

Доминирующая раса

Олег Серегин

Доминирующая раса

2005

Серегин О.

Доминирующая раса / О. Серегин — 2005 — (Доминирующая раса)

Вторая Звездная война. Человечество столкнулось с врагом, которого невозможно победить. Но у людей появился шанс. Новое современное оружие – модифицированные суперящеры. Вместе человек и дракон могут переломить ход войны в свою сторону.

Содержание

Часть первая. Адж.	5
1	5
2	13
3	20
4	29
5	36
6	42
7	45
Часть вторая. Янина.	47
1	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Серегин

Доминирующая раса

Кате Некрасовой

Часть первая. Адж.

1

...Если уехать в горы и пересечь водораздел, проходящий по высшим точкам хребта, то ночами уже не будет захлестывать небо негаснущий свет. Когда плотные тучи отпрянут от остро заточенного лезвия Йинд-Тхир, и небо усыпят светила, найдешь среди них Сетайю и Чрис'тау. Их ни с чем не перепутать, такие они яркие. Между ними, видимая только из мощного телескопа, и светит с дальнего края Галактики маленькая звезда.

Кругом нее, изумрудная и лазоревая, убранная белыми облаками, обращается планета Хманкан. Там фонтаны, бьющие светом, там гигантские лестницы уходят в морскую глубину, там города цветут как цветы, и надменные жители улыбаются с высот своего могущества.

Если взять старый корабль, никогда не принимавший на борт трусливых; если оплатить полный ремонт и купить хорошие энергеты, то за тридцать пять условных дней полета приблизишься ко Хманкану. Когда останется один день, встанешь от анабиоза и наденешь броню деда, сплошь изукрашенную насечками – памятью по убитым врагам. Возьмешь ножи прадеда, иззубренные о крепкие кости.

Ты приблизишься ко Хманкану и выберешь самый большой город. Снизись, входя в сладкую и легкую атмосферу, дыхание роскоши изнеженной расы.

И выключишь двигатели.

Через восемь секунд после того, как твоя плоть станет пеплом в раскалившейся, расплавившейся кабине, старый корабль, никогда не принимавший на борт трусливых, грянется оземь. И тогда умрут сто миллионов х'манков.

То-то славно.

Но никто не подпустит твой корабль к изумрудной и лазоревой планете, драгоценному сердцу владык Галактики. Да и нет денег, чтобы залатать его ветхое нутро, и на зарядку аккумуляторов тоже нет. Их вообще нет.

Потому ты и сидишь здесь, предаваясь дурацким мечтаниям.

Эту планету не заносят в реестры, и все же она богата, инфраструктура ее развита, нигде не отыскать космодрома больше и оживленней. Поэтому в Городе, что рядом с ним, никогда не воцаряются тишь и тьма. Раньше мир был спокойней и назывался иначе. Но он вполне заслуживает нового имени – Дикий Порт.

...в небе есть другая звезда, желанная сердцу. Она стоит в зените; она словно навершие древнего шлема, память о времени власти. Это солнце твоей отчизны.

Которой ты никогда не видел.

Он отдернул руку и взвизгнул, разом утратив всю деловую солидность. Взвизгивающий мужчина, особенно если на нем идеально отглаженный костюм, модный галстук и драгоценные запонки, – крайне смешное зрелище.

Но я не улыбнулась.

– Чуть руку не оттяпал, – обиженно и жалко сказал этот тип.

Ха! Он сказал «чуть». Да если б моя радость всерьез решил ему что-нибудь отхватить – уж отхватил бы, не сомневайтесь.

– Обычно они ласковее, – буркнул он.

Я промолчала. Вот идиот. Конечно, для продажи в зоомагазинах нукт воспитывают так, что они ластятся ко всем подряд. Но домашние нукты не бывают больше полутора метров, а в Аджи по меньшей мере два с половиной. Если не считать хвоста. Он что, принял его за диванную подушку?

Хотя на диванную подушку нукта определенно не похож. Скорее, на авангардистскую композицию из арматуры и прочих железяк. Но мы-то знаем, что нукта мягче и пушистей любой сонной кошки. Потому что не укусит и не оцарапает тебя даже случайно – он куда разумнее кошки, он прекрасно знает, в какой точке пространства находится каждое из его живых лезвий, и реакция у него лучше, чем у тропической мамбы.

И еще он любит тебя.

По-настоящему.

Просто Аджи, созданный и воспитанный для того, чтобы помочь человеку выжить в экстремальных условиях, не ластится ни к кому, кроме меня.

Тип достал носовой платок и вытер пот со лба. Меня передернуло от отвращения. Представьте себе слизистого червя в костюме с иголки.

– Так мы хотели предложить вам выставить вашего... питомца для участия в боях.

– Вы понимаете, что говорите? – тихо спросила я. – Если Аджи погибнет, что я буду делать?

Мальчик услышал свое имя и зарычал. Ему тоже не нравились слизистые типы. Мы с ним всегда единокорны.

Агент содрогнулся, уползая внутрь пиджака, словно огромная уродливая черепаха. Я казалась ему совершенно безопасной, в отличие от Аджи, и инстинкт заставлял его все время косить глазом за спину. Тип неудачно сел: мой мальчик расположился как раз позади его кресла. Раньше агент не общался с экстрим-операторами, иначе знал бы, что при контакте с расчетом следить нужно вовсе не за живым оружием.

Я сидела неподвижно, и червь мало-помалу выполз наружу.

– Местра Джанарна, – покашляв, обратился он.

Все пытаюсь понять, каким образом мое имя Янина превратилось в Джанарну. Но не возражаю.

– Вы так за него боитесь, – продолжал тип. – Неужели вы, экстрим-оператор, способны недооценивать ваше животное?

– Моего друга, – сказала я.

В глазах червя мелькнуло что-то мерзкое.

Таким типам нравится называть экстрим-операторов зоофилками. Для них даже порно соответствующее снимают такие же типы. Таким типам вообще много чего нравится такого, от чего нормальных людей выворачивает наизнанку.

– Прекрасно, – сказал он, улыбувшись. Меня затошнило от этой улыбки. – У вашего друга огромный боевой опыт. О его тактико-технических характеристиках и говорить нечего...

– Я не знаю, кого или что вы выставите против него.

– Когда вы уходите в заброс, вы знаете, кого или что встретите там?

– В забросе, местер Коллин, мы никогда не лезем в драки. Очень глупо составлять мнение о профессионалах, насмотревшись дешевых фильмов про них.

– Поймите, у нас нет цели убить вашего зверя, – морщась, сказал местер Коллин, снова вынул мятый платок и начал обмахиваться. – Зачем? Да, существует тотализатор. Но посмотреть на такой поединок придет множество людей, мы получим огромный сбор...

Аджи вопросительно глянул на меня через голову агента. Я покачала головой.

– Как вы думаете, на кого поставят люди? – устало спросила я, заставив себя посмотреть в выпуклые блестящие глаза слизня. – На боевого нукту или на что угодно другое? И какие суммы будут ставить? Местер, вы меня утомили.

Он вздохнул. Дыхание его было ядовито.

– Подумайте, – выложил свой козырь ядозуб, – суммы, которую мы вам заплатим, с лихвой хватит на то, чтобы выплатить долги, вернуться домой и жить там вполне достойно.

Аджи сел и склонил голову набок. Я выразительно ответила взглядом: «Нет».

– Поймите, – сказала я агенту без особой надежды на понимание. – Если Аджи погибнет, вся моя жизнь рухнет. Он – моя соломинка. Без него я просто пойду на дно.

Аджи выпрямился на задних лапах и с силой ударил хвостом по бетонному полу ангара. На бетоне осталась длинная выбоина. Агент в панике обернулся, тут же съежился, словно пытаясь укрыться за спинкой кресла, костюм как-то враз перестал на нем сидеть и превратился в мешок, а пот заструился с удвоенной силой. Одеваясь таким неподходящим образом, он, вероятно, рассчитывал, что повсюду встретит кондиционеры. Но экстрим-оператору кондиционер не нужен. То есть, конечно, обычно я им пользуюсь, но сейчас выключила. Специально.

Снять пиджак агент уже не осмеливался.

– Как вы с ним живете?! – выдохнул слизень, мокрыми пальцами срывая галстук. – Это же чудовище, монстр!...

– Как и предыдущие пятнадцать лет, – холодно сказала я. – Аджи сказал, что он хочет драться. Что ему нравится драться, и нравится, когда мне хорошо. А драться, чтобы мне было хорошо – самое лучшее.

– Как вы это определили? – желчно удивился агент.

– Аджи понимает меня. Почему бы мне не понимать его?

– Ну, вот видите, – радостно сказал ублюдок. – Даже сам ваш Аджи...

– Я ему не разрешаю, – ответила я. – Он как ребенок, которому извращенец посулил леденец на палочке.

Тип хлопнул сначала ртом, потом глазами.

– Зря вы это сказали, – процедил он, поднимаясь. – Вы сами к нам придете. Через какое-то время. У вас нет выхода.

– Извините, – сказала я.

Испакостил мне кресло своим жирным вонючим задом...

Мы с Аджи даже в рекламе снимались. Помните тот ролик, где девушка в биопластиковом костюме играет с нуктой в догонялки? Да, я знаю, что он вам надоел до зеленых ежиков. Это мы.

Конечно, костюм принадлежал фирме. Экстрим-операторы столько не зарабатывают. А я бы не отказалась иметь такой. Удивительные ощущения. Ты словно оборотень, перекинувшийся в волка или орла.

Ролик произвел крайне положительное впечатление на все социальные группы, кроме лиц старше шестидесяти. То есть на всю целевую аудиторию. Поэтому его так и затаскали, и убрали только во время суда. На обеих записях слишком хорошо видно мое лицо.

Спустя какое-то время ролик опять стали показывать, только теперь от случая к случаю, а не сплошной атакой. Люди быстро забыли, а может, так и не поняли, что девушка, летящая по холмам – это та самая Янина Хенце. Казненная за тройное убийство.

Я села на диван и стала думать, что нам теперь делать.

Надоедливый агент считает, что я согласилась на этот контракт из-за долгов, покинула Землю, отправившись за крупной монетой. Так пока считают все местные, и это хорошо. Правда, приходится старательно экономить, чтобы не вызывать подозрений. Я сняла старый подземный ангар для шаттлов и живу в нем вместе с Аджи. Ангар находится довольно далеко от

города, и хозяин провел сюда все коммуникации. Я поставила ширмы и купила подержанную мебель. Жить можно. Прежний обитатель ангара, челнок, недавно пошел на утиль, а нового хозяин сюда не вселил, заведя себе гипертехнологичный универсальный корабль.

Я – экстрим-оператор.

В документах я числюсь как Янина Лорцинг. Небольшая пластическая операция сделала меня только лучше – мои от природы пухлые щеки и подбородок уменьшили, и теперь я похожа на фею. Как-то раз здешний безумный гений, мистер Санди, стоял передо мной на коленях, умоляя вместе с Аджи позировать для картины. Я отказалась. Санди живет на Фронтире не по бедности, а по безумию, ему здесь лучше пишется. Картины его покупают аж на самой Древней Земле, а пишет он в реалистической манере. Мало ли что.

На Фронтир я прибыла уже три месяца назад. Период адаптации давно закончился, но задание мне еще не выслали. В соответствии с уставом я изучаю местность.

Фронтир – обычная промышленная планета. Он не так удобен для жизни, как миры ряда «Терра», но дышать местным воздухом можно. Только место для города выбрали странное: в средней полосе, рядом с пустыней. Разница температур на планете очень мала по сравнению с земной, здесь везде жарко, и жить где-нибудь севернее или возле большого водоема было бы куда удобней. А так под солнце приходится выходить в фреонном костюме. Вот Аджи здешняя жара по вкусу.

Раньше Фронтир назывался Ррит Кадара. Да, это та самая Ррит Кадара. Нет, ее не уничтожили. Те величественные кадры распадающейся на части планеты – на самом деле торжество спецэффектов. Думаете, я выдала государственную тайну? Что вы. Красивый ролик – только символ нашей победы. Этого никто и не скрывал. Об этом просто умолчали.

Когда я думаю о том, что символом победы землян стал рекламный ролик, меня одолевают философские мысли.

Добывают здесь вольфрам. Добывают нектар местных цветов, чрезвычайно уродливых и вонючих. Его используют в фармацевтике. Эти сведения я нашла в реестре освоенных планет. Местные поселенцы дружелюбно сообщили мне, что сведения реестра суть бредни сивой кобылы. В действительности на Фронтире добывают биоматериал. Из аборигенов. Из тех самых ррит, которых вовсе не уничтожили всех до единого. В производстве военных гипертехнологий используются гены ррит, а в производстве суперэлитной парфюмерии и косметики – кемайл.

Лучше вам не знать, что такое кемайл. Может, вы этими духами брызгаетесь. Впрочем, тех, кто пользуется суперэлитной косметикой, трудно шокировать. У меня крепкие нервы и гражданское сознание, но омолаживающим кремом из человеческих эмбрионов я бы пользоваться не стала.

Кемайл – это сперма ррит.

Аджи подошел и ткнулся головой мне в бедро. Я обняла его за шею. Прослышав о моих затруднительных обстоятельствах, фронтирцы предлагают мне один способ заработать за другим. Все достаточно грязные, и я отказываюсь. Хорошо еще, что Санди не додумался предложить мне хорошие деньги за позирование: этот отказ очень трудно было бы объяснить.

Я не знаю, почему не приходит задание. Я направила один запрос и не думаю, что разумно делать это еще раз. Суть задания в общих чертах я уже представляю, но экстрим-оператор – не тайный агент. Мне нужны карты, досье, разведанные, я не добуду их сама.

– Местра Джанарна? – неуверенно сказал женский голос.

Я обернулась и имела удовольствие наблюдать, как на лице новоприбывшей любопытство сменяется острой неприязнью, а та, в свою очередь, прячется за лицемерной вежливостью. По понятиям таких дамочек оправданием моей фигуре может быть только свиное рыло вместо лица.

– Извините, мне сказали, что вы экстрим-оператор, – мило скалясь, промурлыкала дамочка. – Меня зовут Арис. Я туристка с Земли.

Надо было слышать, как она произнесла свое «с Земли». Протяжно, едва ли не с чувственной хрипотцой – так, как никогда не скажет землянин по рождению.

– Я оператор.

– Очень приятно, – Арис наклонила голову вперед и вбок, как героиня дешевого сериала.

Мы стояли посреди супермаркета. Какая-то бойкая тетушка едва не смела меня тележкой, доверху наполненной банками, бутылками и всяческими полуфабрикатами. Когда тайфун в лице домохозяйки промчался мимо, я заметила, что все еще держу в руках упаковку слобы для Аджи, и бросила ее в корзину.

– Милочка, – фамильярно изумилась местра, – эти пирожные чудовищно калорийны! Вы не боитесь испортить талию?

– Не боюсь.

– Извините, – пропела дамочка. – Ах, у меня к вам дело, но мы же не будем обсуждать его в магазине, давайте выйдем...

– Я выйду, когда сделаю покупки.

Накрашенные ресницы захлопали.

– Да-да, конечно. Можно мне с вами?

Я пожала плечами.

Прогулка доставила мне истинное удовольствие. Я закупалась на целую неделю, и какие душевные страдания испытывала местра Арис, глядя на количество сладкого и мучного в моей тележке! А большой жирный кусок свинины привел ее в отчаяние. Страдальческий взгляд, брошенный местрой на мои худые бока, чуть не пробудил во мне милосердие.

Когда вцепляешься мертвой хваткой в выросты плечевой брони и чувствуешь, как мощный хребет нукты под тобой собирается в дугу и распрямляется, отправляя вас обоих в прыжок – жизнь зависит от того, не прибавила ли ты грамм пятьсот.

– Вы родились на Фронтире? – попыталась туристка завязать разговор.

– Нет. На Земле.

Ответ заставил ее надолго замолчать.

Когда мы вышли из магазина, к дамочке метнулся ее домашний зверек. Я скрипнула зубами. Мне всегда больно смотреть на них, воспитанных изуверами, оставляющими от личности почти разумного существа только истерическую преданность. Я подняла глаза и обменялась эмоциями с Аджи, который грелся на раскаленной крыше супермаркета. Сейчас его эмоции были почти оформлены в мысль. «Люди – друзья – такие как моя любимая – хорошие – не все». И рядом с образом местры Арис – человек, заламывающий мне руки.

И образ нукты в позе угрозы.

Моя радость сошел с крыши на землю – для этого ему даже не пришлось прыгать. Арис судорожно слотнула и отступила.

– Это... в-ваш?

– А чей же.

Когти Аджи не шуршали по жаростойкому покрытию стоянки. Я затылком – приподнялись волосы – ощутила позади своего друга и оружие. Оператор в центре полуокружности, описанной гибким телом: поза выжидания.

Мы не собирались пугать местру Арис. Мы просто рассеивали ее заблуждения.

Это было прекрасно.

И тут появился городской сумасшедший.

– Милая Джанарна! – возопил Санди, завидев нас. – Вы не передумали? Я по-прежнему горю желанием прославить вашу ослепительную красу!

Он вообще-то всегда так выражается. Я слышала, как он вещал про ослепительную красу костлявой даме с опухшим от алкоголя носом. Но я подумала, что местра Арис может сейчас распасться на аминокислоты, и сказала:

– Дорогой местер Санди, я благодарна пластическим хирургам, но прославлять их работу странно.

– Плевать на хирургов! – обрадовался дурак. Арис он, кажется, просто не заметил. – В вас есть свет, внутреннее солнце! Поймите, вы мне не нужны! Мне нужны вы с вашим Аджи!

Я порадовалась, что Санди несмотря на далеко уехавшую крышу хоть что-то сказал правильно, и направилась к машине. Странно, но Аджи этот псих очень по сердцу – по обоим его сердцам – поэтому-то я так с ним любезна.

– Милый местер, – заметила я, – мне кажется, что девушка и смерть – это весьма банальный образ.

Санди воздел горе очи, руки и нос, и сделал вид, что потерял дар речи.

– Это вечный образ! – закричал он мне в спину. – Джанарна, вы с вашей смертью необычайно обаятельны!

Арис все еще стояла на ногах, но я чувствовала, что она уже мертва.

Местра Арис действительно дура, если не понимает, что из нас двоих любой мужчина выберет ее. Да, я натуральная блондинка с эльфийским лицом, но на этом лице двигаются только веки и нижняя губа. Врожденный дефект. В школе меня звали Ящерицей. Современная хирургия может имплантировать мне искусственные мышцы и нервы, но стоит операция так дорого, что я накоплю на нее только к возрасту, в котором мне будет уже все равно. Поэтому я не коплю. Странно, что Арис не заметила моего уродства. Или она думает, я ее так сильно презираю, что чежу слова?

– Эй, Аджи! – додумался местер Санди. – Поговори со своей подружкой! Что это она раскапризничалась?

Мой хороший негромко прорычал что-то в ответ. С интонациями человеческой речи. Я засмеялась.

Я уже села в машину, когда Арис опомнилась.

– Вы что же, уехать собираетесь? – растерянно спросила она.

– Да.

– Но мы же с вами собирались...

– Это вы собирались. А я собираюсь домой. Позвоните мне. Номер можно узнать в муниципалитете. Аджи, мы уезжаем, иди в машину.

Я была очень довольна.

На Фронтире я оказалась из-за Аджи. Но я на него не в обиде.

Я никогда не задумывалась, в каком районе живу. Я переехала в новую квартиру, когда получила работу. Мне исполнилось восемнадцать, и я уже три года дружила с боевым нуктой. Даже совсем маленькие домашние нукты, которые по сравнению с ним кажутся мышками, – грозные бойцы и надежные защитники, а рядом с Аджи и давно ничего не страшно.

Однажды я возвращалась домой ночью. Заброс, даже проверенный и безопасный – вещь увлекательная и щекочущая нервы, куда тяжелее пережить стадию планирования, все эти бумаги и файлы, бесчисленные столбики данных зондов, медкомиссии и согласования... Я шла от фонаря к фонарю, шепотом чествуя кого-то, а Аджи решил погулять сам по себе и пробирался крышами у меня над головой.

Это часть моей профессии – фиксировать в памяти все происходящее, до мелочей. Иногда мозг оператора оказывается самым надежным хранилищем информации.

С освещенной улицы мне нужно было свернуть в переулок и пройти двадцать шагов до подъезда. Я хороша собой. Тонкая девушка со светлыми волосами шла по глухому переулку одна.

На меня бросились трое.

Неизвестно, откуда они пришли. Они не знали, кто я, и никогда не видели меня с нуктой.

Если бы они начали приставать ко мне, кричать непристойности, загораживать дорогу – я бы сумела остановить Аджи. Но им, видимо, было уже не до шуток. Один, высокий и жирный, схватил меня за волосы, а второй задрал на мне блузку.

Если бы они били меня или угрожали оружием – я бы сумела остановить Аджи. Но они не стали этого делать, должно быть потому, что я не сопротивлялась. Сразу приступили к другому. Нукта увидел покушение не на своего оператора, не на хозяйку, даже не на подругу – на свою самку.

И на головы им упала смерть

Во время забросов мне не раз доводилось смотреть, как Аджи выпускает кишки. Но тогда я не увидела ничего. Слишком быстро. Движение воздуха, какие-то звуки и влага, плеснувшая мне в лицо.

Все кончилось.

Я стояла залитая кровью с головы до ног. Тому, кто схватил меня за грудь, нукта просто отстриг голову когтями, выпустив их на полную длину. Тот, что был на подхвате, получил удар хвоста, проломивший ему череп. Толстяк еще корчился. Его горло и скальп лежали отдельно от него.

Аджи легко перемахнул прыжком через мою голову и выпрямился передо мной, гордый и радостный.

А у меня случилась истерика. Я стояла в окружении трех трупов, вся в крови, и рыдала, и хохотала, не в силах отвязаться от мысли, что в наше время ни один мужчина не станет защищать женщину от насильников. На это способен только генетически модифицированный псевдоящер, составляющий в длину четыре с половиной метра от носа до кончика хвоста.

Суд счел, что я спровоцировала насильников, появившись на улице ночью, красиво одетая и, на первый взгляд, не имеющая защиты. А комиссия не поверила, что нукта напал сам, хотя консультанты свидетельствовали, что с боевыми такое может случиться, и иначе в забросе порой нельзя. Выходило, что я умышленно привлекла внимание поведенчески альтернативных членов социума, а потом применила против них живое оружие. Меня осудили за тройное убийство, но по ходатайству министра колоний в условиях полной секретности казнь заменили переводом на специальный сертификат.

Моя радость думает, что мы просто работаем. Я могла бы объяснить ему сущность и причину наказания, нукта достаточно умен, чтобы понять, – но не стала этого делать.

Он расстроится.

Старенькая «крыса» нырнула под землю. Хозяин моего сарая, человек рачительный и не скупой, от стоянки провел к ангару прямой коридор. Здешнее солнце – не самое ласковое светило.

Когда я встала с водительского кресла, то едва не споткнулась о моего мальчика. Аджи, засопев, осторожно толкнул меня мордой в живот. Я вцепилась в него и невольно плюхнулась обратно. Нукта засвиристел, склонив голову набок, и повернул меня вместе с креслом к рулю.

– Это что еще такое?

Эмоции нукты были так сильны, что у меня заныло в затылке. Страх: страх за меня и страх одиночества... угроза, яростная угроза, беспомощность... Я почти испугалась, когда почувствовала, что Аджи готовится к атаке.

– Да что с тобой? Аджи, Аджи, тихо, мой хороший. Кто...

Я чуть не спросила «кто тебя напугал». Смертельная была бы обида, навсегда, до самой пятницы.

– Кто плохой? Арис? Это Арис плохая?

Аджи до того разнервничался, что начал пускать слюни.

Вот не было печали!

– Держи себя в руках! – сердито сказала я и пнула его в бок. Полдня теперь дышать парами растворителя, отмывая машину!

Аджи ужасно устыдился и полез ко мне ласкаться.

– Ладно, ладно, – смягчилась я и привычным движением запустила обе руки под его нижнюю челюсть. Аджи замер, сказал по-своему что-то жалобное и осторожно ткнулся мордой в мои колени, повиливая хвостом. Вообще-то нукты не виляют хвостом, он у них не для этого. Но кто-то из мастеров нашел на улице бродячего пса и пустил в питомник. Вот смеху было.

– Все. – Я немножко потискала его и отпихнула. – Хватит. А теперь дай мне выйти.

Аджи посмотрел на меня пронзительным взглядом – казалось, сейчас заговорит. Но послушался.

Когда я вышла из коридора в ангар, на меня бросились трое.

Ужасное чувство дежа вю.

К лицу прижали вонючую тряпку. Я не успела разглядеть их. Последней моей мыслью было, что нукте вредно много убивать людей.

2

Я знаю, что должно произойти. Это неприятно, но не смертельно. Я очнусь на полу, с жуткой разламывающей болью в ушибленном при падении затылке. Возможно, в луже остывшей крови. Возможно, рядом с несколькими обезображенными трупами. Скорее всего, я увижу над собой морду Аджи, пускающего слюни от счастья и волнения, – и пойму, что я отвратительно липкая и склизкая, но зато живая.

По крайней мере, здесь было чисто.

Такие чуланы я видела в кино. Обычно они изображали тюремные карцеры. Железная дверь с окошком, голая лампочка, топчан, отгороженный угол и отверстие воздуховода – не такого, по которому ползают на четвереньках, а такого, в который голову не просунешь. Стены – дешевый бетон, который сыплется от сырости... на Фронтире сырость – непозволительная роскошь, и здешний бетон просто потрескался.

Я лежала на топчане. Из воздуховода шел ознобный холод, но не вонючий искусственный, а с характерным запахом фронтирской растительности. Значит, сейчас ночь.

Как хорошо было сопровождать геологоразведочную партию в лесах Терры-5... Там нас было четверо, на привалах мы разговаривали о своих операторских делах, а крепкие душой и телом разведчики приударяли за нами, не пугаясь даже ревнующих нукт. Аджи так красиво охотился на тамошних «тигров», которые были в два раза крупнее его. Конечно, на тигров эти звери были похожи только издали и в сумерках, но издали и в сумерках их первый раз и увидели. Здоровенные твари были исключительно травоядны, а пушистая полосатая шкура служила им для защиты от хищников почти так же, как иным земным ящерицам – хвост. Легко отпадала лоскутами. Поначалу наши нукты очень удивлялись, падая с крутых «тигриных» боков с клочьями шерсти в зубах. Аджи первым придумал бить в ухо хвостовым шипом. Снять шкуру было легче легкого, и чистить не приходилось, только промыть хорошенько. Скоро мы все сменили казенные пледы на кое-что получше, а потом и полы вездеходов шкурами выстелили...

А на Урале, в степи, мы устраивали гонки. Я ни разу не выиграла. Еще бы, Лимар ниже меня на пятнадцать сантиметров и тоща как смерть. Ее Кинг веса и не чувствовал. Вообще-то Урал – это Терра-7, но планета принадлежит русским, а они называли ее Урал.

Я села, привалилась боком к стене и заплакала.

Понимаете, я ведь не спецназовец. Не коммандо. Конечно, слабой женщиной меня не назовешь, но только в голливудском боевике лихая девица, амазонка-феминистка может выбивать двери ногами и уделывать десятки вооруженных мужчин. А я всего лишь оператор. Я управляю, а не действую.

Где Аджи?

Мне стало жарко.

Где Аджи?!

Вопрос «где я?» пришел только потом.

Меня привезли сюда определенно не за тем, чтобы получить выкуп. Все невеликое население Фронтира знает, что денег у меня нет. Идея продажи меня в проститутки тоже нелепа. Что и кому от меня понадобилось настолько, чтобы рисковать жизнью, связываясь с экстрим-оператором?

Я предполагаю – что. Собственно, оператор. Я и Аджи – боевой расчет.

И поэтому мой мальчик жив. Если бы нас убивали, то убили бы вместе. Одна я никому не нужна. Скорее всего, нас хотят использовать по прямому назначению. Натравить на кого-то. Это хорошо. Рано или поздно они спустят нас с цепи, и тогда посмотрим.

Кто – они?

На планете есть только две опасные силы. Первая – нелегальные туроператоры, которые устраивают сафари в землях, по-прежнему принадлежащих ррит. Иногда, по особому желанию клиента, сафари устраивают на самих ррит, и порой ррит делают из экстремалов симпатичные полированные скелеты. Не могу сказать, чтоб меня это возмушало. За такого туроператора меня, кажется, приняла местра Арис.

Вторая – сборщики кемайла. Вещества, официально не существующего. Его продают под видом пресловутого нектара местных цветов и под химическим названием, которое нормальный человек запомнить не может. «Кемайловые» не такие рисковые, как охотники, и они гораздо богаче. Им нужно брать добычу живой и общаться с ррит на расстоянии контакта, а это без «умного» оружия чистое самоубийство. Но я знаю всех кемайловых воротил Фронтира, в остальном они вполне положительные и законопослушные люди. У одного из них я и сняла старый ангар. Если охотники часто – отчаянные головорезы, готовые однажды порадовать какого-нибудь особо доблестного ррит своими костями, то кемайловые глупостей не делают. Значит, охотники? Сдуревший толстосум хочет поохотиться с нуктой? Почему не использовать для этого домашнего зверя покрупнее? Зачем ему Аджи, который слушается только меня?

Я обозвала себя душой. Я так ошалела от волнения, что забыла, зачем вообще нахожусь на Фронтире. Точнее, я еще не знаю, зачем – но ведь догадываюсь. И тот, кого нам предстояло убрать – тоже наверняка догадывался...

Но зачем ему я? Глупо думать, что я знаю какие-нибудь тайны. Я даже разведанных не получила.

И если так, то Аджи мертв...

Эту мысль я не могла держать в голове. Как горячую картошку – в руках. Она прыгала, выскальзывала, и вместо нее приходили какие-то другие соображения, идиотические и бессмысленные. Что это все-таки охотники. Или не охотники. Или кто угодно, но только не...

Пятнадцать лет. Сорок шесть забросов, из них четыре – предельной категории опасности, уже после приговора. Сколько раз он спасал мне жизнь – я давно перестала считать. Даже если я каким-то чудом выживу и вернусь, и меня не уберут за ненадобностью, а дадут маленького... Аджи нельзя заменить. Человек, с собакой проживший пятнадцать лет, горюет по ней, а нукта – не собака...

Но я не выживу и не вернусь.

Нукту не так легко убить. Они малоуязвимы. Они так стремительны, что попасть в слабое место почти невозможно. Только если обездвижить, но это сама по себе сложная задача.

Узкий ход. Полутемный гараж. Аджи волновался, а я не поверила его чутью. Я не слышала цоканья его когтей, когда шла по коридору. Это я виновата.

Голова заболела. Я свернулась в клубок на узком топчане. Стена леденила поясницу, я повернулась и прижалась к ней лбом. Даже когда судья объявил, что меня ждет эвтаназия, мне не было так страшно. Суд прошел быстро, я не успела поверить в происходящее. А через пару часов родилась Янина Лорцинг, и моя жизнь снова зависела только от меня и Аджи.

Лишь бы не мучили сильно...

И когда я собралась умереть прямо здесь, не дожидаясь пыток, ко мне прорвались не мои эмоции.

Сначала я решила, что у меня галлюцинации. Аджи никогда прежде не признавался, что боится.

...ему едва ли не хуже, чем мне, он дуреет от бессилия и одиночества, мечется по замкнутому пустому пространству, где даже сломать нечего. Он готов атаковать любого, кого увидит. Ни одно из чувств, включая отсутствующие у человека, не может найти выхода из клетки. Перенапряженный мозг дает сбой, Аджи обманывается, бросаясь на мнимый запах, неслучившееся движение... Он не знает, где я.

Я ощутила, какое невыносимое опустошение чувствует нукта, потерявший оператора.

Такую зависимость не может создать генетическое программирование... Оно – не акт творения, всего лишь коррекция. Из-за него я занимаю в сознании Аджы место доминирующей самки, главы стаи и матери рода. Но даже для диких нукт потеря матриарха не так мучительна.

...Аджы готов погибнуть в самом бессмысленном и безнадежном сражении, лишь бы избавиться от разъедающего два его сердца одиночества. Под сводом массивного черепа, в слабом, но гибком и восприимчивом разуме пульсирует одна, вполне осязаемая мысль...

Как только я поверила, что слышу его, дикое перенапряжение нервов, позволившее нам войти в контакт, спало.

И все кончилось.

– Местра Джанарна?

Я так и подпрыгнула на койке.

– Доброе утро.

Твою мать!

– Ваш завтрак.

Я даже выругаться вслух не смогла.

Выходит, я уснула от усталости. Из воздуховода тек расплавленный металл, не воздух: снова пришел день, и с ним – адская жара.

Передо мной стоял симпатичный паренек лет двадцати – двадцати трех. С подносом. Надо же, как куртуазно. Только салфетки на локте не хватает. Парнишка поискал глазами, понял, что стол в камеру поставить как-то забыли, и осторожно опустил поднос на край топчана.

Я села, мрачно глядя на принесенное съестное. И на посуду.

Металлические тарелки, алюминиевые ложки.

Кофе.

В бумажном стаканчике.

С крышечкой.

Люди в походных условиях не пьют кофе из бумажных стаканчиков. И подносов не держат. Я сижу не в сарае посреди пустыни. И это не городской подвал – в городе нет военных столовых, а нормальный человек не станет есть из металлической тарелки. Это база. Достаточно большая, чтобы понадобилась столовая.

Один из гарнизонных форпостов? Но формы на парне не было. Джинсы и рубашка – с длинным рукавом, под фреонный костюм.

База нелегальная?

Чья?

– Мне сказали, что я могу сказать вам, где вы, – волнуясь, сообщил парнишка.

Я взяла тарелку и принялась жевать. Не помню, что.

– Я на вашей базе, – был ответ. – Пустыня, оазис, недалеко от территории ррит. Не думаю, что тебе разрешили назвать точные координаты.

– Откуда вы знаете? – он был потрясен. Э, да я ошиблась. Ему и двадцати еще нет.

– Я экстрим-оператор, – веско сказала я и продолжила тоном сурового авторитета. – Лучше скажи, чем вы здесь занимаетесь. Это все равно либо охота, либо кемайл, скрывать нечего. Мне любопытно.

– Всем понемногу. – Я сидела, он стоял и смотрел на меня снизу вверх. А хорошо получается.

– Теперь еще вопрос, – я взяла бумажный стаканчик и отпила кофе. Растворимый, но не самый паршивый. – На него ты вряд ли ответишь, но я для порядку задам. Зачем вам я?

– Извините, я сам не знаю, – тихо сказал он.

- Что с моим нуктой?
- Он сначала с ума сходил, на стенки прыгал, а потом успокоился и уснул, – не задумываясь, ответил мальчишка.
- Надо же, как легко оказалось это узнать...
- Хотите принять душ? – предложил он.
- Я должна буду с кем-то встретиться? – хрипло спросила я.
- Он помялся.
- Д-да.
- Сейчас доем и пойдем.

Звали его Лэри, и он преклонялся перед экстрим-операторами. Сестра его матери была одним из первых операторов, она погибла во время войны. Ей было двадцать один год. Ее орден лежал у них дома в шкафу, в коробочке, вместе с древними черно-белыми фотографиями. Лэри мечтал стать мастером, но для этого нужно было по крайней мере родиться на Земле или Земле-2, она же Терра-без-номера. На планете с питомником. А ему не повезло. Он пытался поступить в земной институт, чтобы потом уйти из него, но для этого нужно было родиться или гением, или сыном большого босса. Ему не повезло.

Он вел себя даже не вежливо – почтительно. И смотрел влюбленными глазами. Вот смех. Женщины, бывает, солдат любят, а мужчины, оказывается, экстрим-операторов. Интересно, знает ли здесь кто-нибудь еще о такой его склонности?

Я вымылась. Жаль, не было другой одежды. Сложись дело немного иначе, я бы сейчас у себя дома оттирала с кожи липкие слюни, шипя, что Аджи не нукта, а свинья...

Лэри вывел меня из подвала. В здании оказалось несколько этажей. Как они его построили, в оазисе рядом с землями ррит?! Пока мы шли по второму, кажется, этажу, с большими окнами, я поняла, что не ошиблась насчет столовой. Здесь очень много людей. Слишком много для любой обыкновенной цели. Чем они, язви их, занимаются?

Лэри привел меня в кабинет начальства. Большие окна на север, фронтирское солнце усмирено тонированными стеклами, добротная мебель – словно в офисе какой-нибудь фирмы в городе. Даже цветы в горшках стоят, правда, местные, а не земные. Из тех, что помельче и без запаха.

– Здравствуйте, – встав с кресла, сказал мне пожилой джентльмен располагающего вида. – Очень приятно повидать настоящего оператора.

Я решила сдержаться и не хамить ему. Безумно хотелось поинтересоваться, не для этого ли меня сюда приволокли.

– Генри Андерс, – представился он и неглубоко поклонился. Имя он произнес на фронтирский манер, Хейнрри, с по-русски жестким «р», и я подумала, что к слову «местер» нужно прибавлять именно его.

– Я бы снял шляпу перед дамой, – продолжал он тем временем, – но, увы, у меня ее, как видите, нет. Меня здесь называют Док.

– Джанарна Лорцинг.

– Вам нет необходимости поддерживать эту легенду, – обаятельно улыбнулся старик. – Рад видеть вас, Янина Хенце. Мне очень понравился ваш теледебют, жаль, что вас не пригласили в кино.

С моим лицом только в кино играть...

– Пожалуйста, садитесь.

Хорошие какие кресла... низкие, глубокие, в рывок из них не уйдешь, да и сразу видно, что у сидящего на уме. Инстинкт протестовал, но я заставила себя свободно разлечься в обтянутой мягкой кожей колыбельке.

– Хорошо, мистер Хейнрри, – я медленно вдохнула и выдохнула. – Вам не нужно успокаивать мои нервы. Пожалуйста, перейдите к делу.

Он огорченно склонил голову.

– Прошу прощения, мистра, я, кажется, ввел вас в заблуждение. В этом месте не я начальник, мое дело как раз и есть – разговоры, советы да проверка кое-каких гипотез. В будущем я еще побеседую с вами и предложу несколько тестов...

Я тихо изумилась. Бред. Какие охотники, какой кемайл, тут психбольница на природе... В непосредственной близости к территории недавнего врага человечества номер один. Новый вид терапии... и от чего они собрались меня лечить?

– А о деле с вами сейчас поговорит настоящий владелец этого кабинета, – добродушно продолжал Андерс.

Вторая дверь, замаскированная под одну из украшавших стены цветных панелей, отошла в сторону.

Я подняла взгляд и поняла, что сейчас должна откинуть голову, прикрыть ресницами ослепленные глаза и застонать от страсти.

Ибо передо мной возвышался Лучший Самец Человечества.

В нем было что-то около двух метров; встань я, то пришлось бы ему под мышку. Светлые волосы, не дурацкого золотого цвета, а сдержанно-русого, коротко остриженные, слегка вились на висках. Породистое лицо англосакса украшали чувственные губы и прозрачные злые глаза. По случаю фронтирской жары он был полубобнажен, и под золотистой кожей выпукло намечались мускулы, – мускулы бойца, а не накачанного манекенщика.

А вот на золотистой коже, поблескивающей капельками пота, темнело нечто куда более интересное. И благодаря этому нечто я мгновенно узнала вошедшего, хотя ни полиция, ни разведка не могли идентифицировать его кличку и сопоставить с ней досье и фотографию.

– Вы мистер Экмен? – мило спросила я. – Это вы носите ожерелье из клыков ррит?

Он улыбнулся мне с высот своего совершенства.

– Правда.

Голос у него оказался низкий, бархатный, с вибрацией. Я пришла в восхищение.

– А правда, что вы выламывали клыки у живых ррит? – я даже постаралась соорудить ему глазки, насколько это позволяло мое лицо. – Говорят, у них воин после такого унижения должен покончить с собой.

– Я отучил их от этой привычки. – Лучший Самец излучал обаяние и феромоны. – Теперь они всего лишь дают клятву когда-нибудь украсить себя моими костями. Боюсь, у меня не хватит костей, чтобы украсить всех поклявшихся.

Интересно, что мистер Хейнрри сидел в хозяйском кресле, но встать даже не подумал. «Настоящий владелец кабинета» стоял возле собственного стола по правую руку от психического деда и выглядел не то элитным секьюрити, не то – из-за голого торса, декорированного клыками – реинкарнацией Конан-варвара.

Бред какой-то.

– Я рада знакомству с таким незаурядным человеком, – выдавила я, уставившись в пол. – Но вы...

– Вы хотите узнать, зачем нам понадобились?

Я молча подняла на него глаза.

– Мы некоторое время продержим вас здесь. Месяц, три, сколько потребуется. Док говорит, не больше трех. Ваш нукта не будет вас видеть. Думаю, вы лучше меня знаете, что случится.

Да. Я знаю.

Аджи действительно считает меня своей самкой. Почему-то кот, который считает своей самкой старую деву-хозяйку, никто не подозревает в стремлении произвести с ней потомство.

Все экстрим-операторы – женщины. Не только потому, что женщины психически устойчивей, а большая физическая сила оператору не нужна.

Когда нукта оказывается в незнакомом мире, один-одинешенек из всего своего рода, у него включается программа воспроизводства. Стремление заселить новое пространство себе подобными. Нукта запасает внутри тела собственные молоки, а потом метаморфирует.

Самки же нукт, к сожалению, неприручаемы.

Конечно, новоявленная самка никогда бывшего хозяина не обидит. Но согласитесь, если вы женщина и отложили яйца, то у вас достаточно своих хлопот и забот помимо необходимости оберегать маленькую бесшерстную обезьянку.

Аджи чует рядом с собой самку и его инстинкт молчит – ему нет нужды менять пол. Что самка не то что другого вида, но другого семейства, неважно – он так давно привык ко мне и так любит меня, что его зачаточный разум оказывается сильнее инстинкта.

Но когда он поверит, что меня нет...

– Зачем вам самка? – вполголоса спросила я.

– Не самка, – снисходительно улыбнулся красавец Экмен. – Потомство.

– Армия? – Иногда я бываю догадливой. – Армия, состоящая из живого оружия, так вы это себе представляете? Я не стану спрашивать, для кого, местер Экмен, вы не ответите. Но у вас не будет армии.

– Почему? – вкрадчиво поинтересовался Хейнрри, имея на редкость внимательный вид.

– Вы не умеете с ними обращаться. Вы получите стадо больных, озлобленных и неуправляемых животных.

Я не должна была этого говорить. Но мне так жалко стало будущих детей Аджи...

– Вот за этим нам и нужны вы, – обезоруживающе улыбнулся Хейнрри.

– У меня нет квалификации.

– Не лгите.

– Я оператор, а не мастер. Вам известно, что самки неприручаемы? Самка меня не подпустит.

Экмен пожал плечами.

– Мы отгоним ее от яиц.

Я представила себе это и содрогнулась.

– И выведете их в инкубаторе? – мой язык шел впереди разума. – А чем вы собираетесь кормить маленьких?

– Нукты переваривают любую органику, – на автомате ответил Экмен.

– Взрослые нукты, уважаемый местер. Вам известно, что первый месяц жизни малыши питаются молоком матери?

Вот тут-то у них обоих челюсти и поотваливались. Ну и картина была. Я даже утешилась.

– Они же рептилии! – очумело выговорил Экмен. У местера Хейнрри впали щеки, как будто он зажевал лимон.

– Они протомлекопитающие, – с хорошо скрытым торжеством уточнила я. – Переходная форма.

– Так не бывает!

– Даже у земных животных встречается нечто аналогичное, хотя и в других вариантах. Что вы знаете о нуктах кроме того, что они идеальные машины убийства? У них сложнейшая психика. Я так понимаю, ценность Аджи для вас заключается в том, что он может убивать людей?

– Да, – честно сказал Экмен.

– Он может. Генетическая коррекция у боевой разновидности минимальна. Поэтому их воспитание требует много знаний, времени и души. И к человеку малыши должны привыкать в первый месяц жизни. В месяц питания молоком.

Я бы и еще могла порассказать. То, что известно операторам – не тайна. Нас целых три года мучили началами ксенологии, и кое-что я знаю. Разум у нукт сформировался в прямой зависимости от их физиологии. Нукта делит бытие на три главных категории – неорганика, органика и свои. Органика делится на вялую, подвижную и опасную, но все три разновидности – это пища. Ювелирная работа мастеров-воспитателей сводится к тому, чтобы немного сдвинуть грань между своими и органикой. Для домашних нукт в число своих входят все люди. Для боевых – не все.

Я чувствовала, что Экмен злится. На меня, на липового «Дока» Андерса, на себя. На свою некомпетентность.

– Мы решим это опытным путем, – сплюнул он. – И если самка вас сожрет, я буду разочарован, но не огорчен.

Спасибо. Весьма благодарна.

3

Ночью мне приснился заброс на SJA-35/8. Первой категории опасности, и хуже того – карательный. Какие-то идиоты сочли планету пригодной для жизни, хотя высокого звания Терры она не удостоилась. Логика тех, кто сидит в теплых кабинетах на своих жирных задницах: если атмосфера кислородная и климат приемлемый, значит, планета пригодна для жизни. Счастье, что у разведчиков нашлись для нас запасные респираторы и защитные костюмы.

Нас было двое, я и Лимар. Аджи и Кинг. Мы должны были найти человека по имени Ронге, скрывшегося на SJA, найти и казнить. Его было за что казнить, поверьте, даже простое перечисление того зла, которое он совершил, ужасало нас, операторов, повидавших на своем веку всякого. И мы нашли его, с тремя его братьями крови, они были вооружены, здоровы и сыты, и мы с Лимар, оставшись стоять в стороне, сделали самое простое – отпустили нукт убивать...

Но приснилось мне не это, а то, как Аджи за день до отлета домой насвинячил в жилом модуле. Мне пришлось все экстренно прибирать и мыть. И я орала на него и пинала его ногой в живот.

А еще я могу дернуть его за хвост. Запросто. Да что там – я могу засунуть руку ему в глотку по локоть, и Аджи обомрет и будет валяться на полу с разъявленной пастью, тонко попискивая и больше всего на свете боясь случайно сомкнуть челюсти.

Кому-то понадобилась армия... Поначалу нукт использовали как живые мины, но это нерентабельно и просто глупо. Кто-то не озабочен рентабельностью. В собаководстве и то уйма секретов, а воспитание управляемых боевых псевдоящеров – слишком долгое и сложное дело, и учебников по нему, в отличие от кинологии, не написано. Не Экмен все это затеял и не местер Хейнрри, определенно, у них на это ума бы не хватило, они оба – исполнители.

Кто?

Утром ко мне пришел Док. И принес, как и обещал, тесты. Наивный человек. Я прошла в своей жизни такое количество экспертиз на психическое здоровье и уравновешенность, что могу обмануть не только одного старого идеалиста, – а он определенно был идеалистом, только какого-то странного толка, – но и авторитетный консилиум. Но я не стала его обманывать и честно ответила на все его ненювые уже вопросники, которые видела насквозь. Милому местеру Андерсу предстояло обнаружить удивительную вещь: я психически нормальна. Небольшие девиации не в счет и не мешают мне работать по специальности.

Но на тестах исследование не кончилось. Док рассыпался в извинениях, предложил мне хорошего молотого кофе и стал задавать какие-то незначащие вопросы, которые я поначалу сочла предназначенными усыпить мое внимание. О моей семье, о семьях моих подруг, была ли я замужем, какой я ориентации... И вдруг я поняла, что его на самом деле интересует. Природа эмоциональной связи человека и нукты. Больше всего старого дурака волновало, нет ли в нашей связи сексуального аспекта. Когда я это поняла, все обаяние его благородных седин в моих глазах сошло на нет. Еще один урод.

Я ему рассказала.

Сначала я рассказала ему одну легенду, которая мне неожиданно вспомнилась. Отчего бы и нет, если мне хочется? О принятии капитуляции ррит. Этого нет в записях, но говорят, что один боевой нукта из почетного эскорта увидел ррит и зарычал на них. А те были безоружны. Не поняв, в чем дело, они решили, что люди сейчас будут развлекаться травлей, и приготовились погибнуть с честью. Но оператор врезала своему оружию кулаком по черепу и рывкнула: «Заткнись!» И он заткнулся. Тогда главный ррит сказал: «Сначала х'манки вывели таких нукт,

которые не убивают х'манков. А потом х'манки вывели таких, которые убивают х'манков, если другие х'манки им прикажут. Что еще можно сказать о х'манках?»

Хейнрри насутился. Но ничего не ответил. Он явно не знал этой легенды, потому что меня легко было окоротить, напомнив ее окончание. Потому что та же оператор бросила в ответ рритскому генералу: «Х'манки побеждают».

Тогда я рассказала о Кинге и Лимар. Как Лимар на Терре-без-номера случайно оказалась возле захваченной экстремистами школы, и как полицейские долгих двадцать минут не могли решить, пускать Кинга на захват или нет, потому что спецназовцы могут позволить социально альтернативному гражданину реализовать свое право на жизнь, сдавшись властям, а нукты пленных брать не умеют. Как эти минуты стоили жизни ребенку. Как отчаянная Лимар выхватила пистолет со снотворным и приставила к шее Кинга, крича, что он у нее нервный и либо пусть ему позволят атаковать, либо она сможет остановить его, только усыпив. И как Кинг, который нервным отнюдь не был, а в предчувствии драки вообще лишился эмоций, понял, зачем ему суют эту штуковину, с ювелирной точностью покорежил зубом пистолетное дуло и рванулся вперед.

Ее бы тоже приговорили к эвтаназии, но сепаратисты захватывали не просто школу, а ту, в которой учились дети высших чиновников Земли-2. Лимар получила выговор.

А потом я рассказала ему о Даниэле и ее семье. У Даниэлы муж Мэтт и двое детей, Николь и Дэнни, но когда в детском саду маленькую Николь спросили, как зовут ее папу, она ответила: «Рекс». Угадайте, мистер Хейнрри, кого звали Рексом?

Мэтт раз и навсегда заявил Рексу, что не желает иметь с ним ничего общего, и здорово на этом выгадал. Он время от времени давал своим детям деньги, требуя от них взамен тишины и успехов в учебе. Но когда Дэнни избили в школе, драться его научил Рекс. Даниэла чуть с ума не сошла, когда поняла, что ее чада, пяти и семи лет, прыгают, лазают и плавают как нукты, а драться лезут с совершенно нечеловеческим и очень знакомым воплем.

Единственный раз в жизни Рекс впал в настоящую панику, когда Даниэла застряла на кухне с пирогом, а ее малыши тем временем радостно полезли тормозить хвостатого. Эмоции бедняги тогда были оформлены четче некуда – детеныши дергали его за хвост и это еще ничего, дернуть больно они просто не могли, но они лезли ему в рот и вытаскивали наружу язык! Это было ужасно, потому что от такого обращения у Рекса могли непроизвольно щелкнуть челюсти. Скрыться от мелких людей не удавалось, а пугать их ему было стыдно.

Вот Даниэла-то и говорила, что будь Рекс человеком, она бы вышла за него замуж.

Мистер Хейнрри покивал. Не знаю, какой вывод он сделал. Уже попрощавшись и осчастливив меня обещанием зайти еще, он, словно вспомнив о чем-то, спросил:

– Извините, а что у вас с лицом?

– Атрофия мимических мышц. Это врожденное.

Док остановился, держа ладонь на ручке двери, моргнул и мотнул головой. Ужаснулся, что ли? Или ожидал другого ответа?

Было что-то около полудня, я проснулась не больше четырех часов назад, но снова вытянулась на узкой койке и закрыла глаза. Док задает дурацкие вопросы, я несу в ответ какую-то чушь, а Экмен просто ждет. Ждет, когда у Аджи начнется метаморфоза. Может, мне жить осталось еще месяца три. Самка, да еще в двойном стрессе от потери оператора и потери привычного пола... Нукты не так безмозглы, чтобы легко переносить последнее. Только слишком мощное природное вооружение помешало им стать разумной расой. На родной планете они вырастают до двадцати метров, самки до тридцати. У них нет естественных врагов. Все животные крупнее их – травоядные и служат им добычей. Фактически, нукты занимают в пирамиде биосферы положение, которое на Земле в мезозой занимали тираннозавры. Или велоцерапторы, не помню...

Сбежать отсюда я не могу. Слишком много совпало невозможностей – от засова на двери до чужой планеты за стенами базы. Да и как я сбегу без Аджи?

Янина Хенце умерла быстро и безболезненно... Мне это все только кажется в последний миг перед угасанием сознания, в вене у меня игла, сейчас я засну – и не проснусь.

Я шла по узкой тропинке в джунглях. Лианы тянулись отовсюду, касались моих плеч и цеплялись за меня, как щупальца. Было ужасно жарко и очень сыро. Хорошо, что меня предупредили, и я надела закрытый купальник и шорты. И правда, самая удобная одежда.

Я подняла голову и посмотрела наверх. Там не было голубизны, только смутный свет между кронами.

Джунгли шуршали, пищали и хрустели ветками, но ни одного темного вытянутого силуэта, даже мельком, я не заметила. Думаю, они надо мной смеялись – шумели, но не показывались. Могли бы и не шуметь, если бы не хотели.

Когда прямо передо мной сверху нагло свесился хвост, я поняла, что надо мной точно смеются. Ну что же, если хвост висит, значит, надо с этим что-то делать.

Ух, сколько было визгу! Я сама завизжала и отскочила, когда он свалился с ветки – нарочно свалился, конечно, он мог и втянуть меня на этот сук. Он был ростом с меня, не считая хвоста, и в хвосте – еще столько же.

Мне было пятнадцать лет.

Он упал на спину и прикинулсядохлым. Тогда я медленно села на корточки, нашла его шею за нижнечелюстными лезвиями и стала чесать. На теле нукты это самое нежное место, но я все равно удивляюсь, как они чувствуют прикосновение слабых человеческих пальцев. Впечатление вообще-то, как фанеру чешешь.

Он шевельнул пальцами на всех четырех лапах, изогнулся и замурлыкал.

У меня отлегло от сердца. Это не оператор выбирает себе нукту, а наоборот. И иногда случается, что девчонка целый день ходит по вольеру, но ни одного даже не увидит. И уходит вечером домой в слезах и истерике, потому что это значит – все.

Профнепригодность.

Почему так, никто не знает.

Нукта под моими пальцами решил ожить. Ожил он интересно: хвост в два витка лег вокруг моей талии, меня оторвало от земли и едва не поцеловало с мокрой хулиганской мордой.

– Привет... – сказала я сипло, потому что он держал меня на весу. – Аджи.

Я давно придумала ему имя. Лет в шесть, когда впервые решила, что буду экстрим-оператором.

Донесся топот мастеров. Они примчались все трое, и еще Даниэла была с ними. Ее дочь Николь должна была идти после меня, я шла первой. Даже часа не прошло, как я связалась со своим будущим оружием. Хорошая примета – значит, никого сегодня не отчислят.

Аджи увидел их, отпустил меня и сиганул в листву. Я обиженно открыла рот.

– Он вернется, Янина, – засмеялась Даниэла, помогая мне встать.

– Вернется, – подтвердил Михаль, пряча улыбку в густых усах. – Теперь подойди к их маме. Пусть она тебя понюхает.

Мне и сейчас не нравятся мужчины с усами, а в пятнадцать лет – тем более не привлекали, но наш мастер казался мне ужасно красивым. Я поправила купальник и пошла за ним в глубь вольера.

Тогда я и увидела самку, первый и единственный раз. В дикой природе их немногим меньше, чем самцов, примерно одна к десяти. Но в питомниках столько не нужно. Во время войны было больше, конечно. Сейчас есть девять самок боевой модификации и около двадцати – домашней.

Мастер Михаль проламывался сквозь джунгли как носорог. Никогда не видела носорога, проламывающегося сквозь джунгли, но, наверное, так это и выглядит. Я шла за ним и думала, неужели он не боится встревожить матриарха? Хотя она, наверное, давным-давно учуяла знакомый запах.

Наконец мы вышли на длинную поляну. Откуда-то доносился плеск воды.

Ой, мамочка!

Да. Точно мамочка.

Ой-ой...

– Подойди, – мастер сгреб меня в охапку и чуть ли не силком повел вперед. Руки у него были сильные и большие. Я в них тонула. В другое время я бы одурела от такого обращения, но сейчас смотрела только на огромную, ощеренную заостренными выростами брони черную тень. Ящеричьи лапы. Толстый подвижный хвост, удар которого может искорежить броневик. Несокрушимая шкура, лезвия на шкуре, лезвия в пасти, лезвия на лапах, лезвия, лезвия...

– Поздоровайся, – щекотно дохнул мастер мне в ухо. Мурашки побежали по коже.

Михаль отпустил меня, и я едва не села, где стояла.

– Она умная как человек, – тихо продолжал он, – говори с ней как с человеком, как со старшей, вежливо...

– Здравствуйте, – сказала я. А что еще говорить?

Огромная морда опустилась на уровень моего лица.

– Здравствуйте, – прошептала я. – А я вот...

Плотный выдох толкнул меня в грудь. Я судорожно облизала губы.

– Меня зовут Янина. Я опе... учусь на оператора. Я пришла, чтобы познакомиться с вами и... и...

Мать выпрямилась. Она была до жути громадная. Мне показалось, что она раздавит меня и не заметит. Я впала в столбняк и не могла двинуться с места, пока не поняла, что нуктиха смотрит на мастера.

– Мела ее зовут, – умиротворенно сказал он. – Она тебя признала. А теперь иди, погуляй, не нервируй многодетную женщину.

И тогда я заметила что-то вроде створок на ее брюхе, десять или двенадцать маленьких заслонок парами шли от грудины к хвосту. Нижняя пара была приотворена, и внутри показывалось что-то светлое, влажное, совсем не бронированное...

Это я понимаю. Я зачет сдавала. Поколение Аджи уже совершеннолетнее, но еще недостаточно взрослое, чтобы кто-нибудь из них мог занять место ее собственных самцов. Да и не станет Мела менять привычных мужей. Она отложила новые яйца, скоро вылупятся крохи и будут кормиться молоком...

Протомлекопитающие.

Я улыбнулась, когда подумала об этом. Как будто именно это делало их ближе к нам. Это, а не глубокая генетическая коррекция, превратившая неумную агрессию крупных полуразумных хищников в самозабвенную преданность.

Говорят, технически коррекция оказалось несложной. Но вот сделать нукт не такими слюнявыми генетики не могут до сих пор.

К воротам вольера я шла счастливая и усталая. Всего пару часов я провела на ногах, но так изволновалась, что ноги подламывались точно после марш-броска по пересеченной. Теперь все марш-броски я буду проходить на пару с Аджи. Ха! На нукту всегда можно повесить свой рюкзац. И даже самой сесть. Они практически не устают.

На полпути он выскочил из чащобы и стал нарезать круги, держа меня в поле зрения. Вернее, себя в поле моего зрения, потому что чувств у нукт больше, чем у людей. У них невероятное чувство пространства, для них не существует лабиринтов, и видеть им совсем необязательно. Возле ворот Аджи остановил меня, едва не уронив при этом, и полез ласкаться. Мне

пришлось вытаскивать его чуть ли не за хвост, потому что из-за дверей на меня по-змеиному шипела Николь. Ей предстояло идти следующей, но она почти не волновалась. Она выросла с нуктой, лет до восьми постоянно ходила в слюнях, а когда видела страшный сон, то сгребала подушку с одеялом и уходила спать на чердак к Рексу.

Своего друга она назвала Файр.

Файр по-своему уникален – из всех известных мне боевых только он способен при свидетелях выполнить команду «апорт». Прочие расценивают ее как попрание их достоинства и смертельно оскорбляются. Николь сначала думала, что Файр глупый, но он просто веселый. Помню, на Терре-5 Николь закрутила роман с энтомологом Хансом. Вот это, я понимаю, энтомолог! На Экмена смахивает, только благодушный и невозмутимый, настоящий швед. Завидев его, Файр мгновенно принимал позу угрозы, но Ханс беднягу просто игнорировал. Файр пробовал на него рычать, – и Ханс зарычал на него в ответ. Отчаявшись, Файр пошел и стал плевать на хансовы вещи, погубив тем самым не только свитер, но и часть ценной коллекции насекомых. За что был Николью нещадно бит. Отлупленный Файр смертельно обиделся, убежал и три дня блуждал по лесам в одиночестве, но потом вернулся, понуро прошествовал через весь лагерь и обреченно бухнулся перед Хансом на спину. В конце концов, они стали не разлей вода. После того, как Ханс и Николь поженились. Вообще-то у нукт полиандрия, но приставучий чужак и другой самец собственного прайда – не одно и то же.

В доме мастеров стояли накрытые столы. Нас встретили шумным весельем и тостами. У меня чуть-чуть кружилась голова, и моя радость деликатно подставлялся мне под локоть... Я чувствовала себя слишком тупой и усталой, чтобы до конца осознать то хорошее, что сегодня случилось.

Народ травил байки. Мне рассказали байку про русских. Что русские девчонки, выходя из вольера с нуктой, всегда произносят одну из двух сакраментальных фраз. Или обе сразу. При этом имея такой вид, как будто изрекли сентенцию вселенской важности. И никто не может понять, зачем и почему они это делают. Первая фраза – «Зубы и когти, когти и зубы, но главное – хвост!», вторая – про необыкновенного и самого лучшего в мире крокодила, с которым они теперь вместе.

Я встала, подбоченилась и произнесла фразу про хвост.

Док приходил еще несколько раз. Расспрашивал про воспитание нукт и их физиологию. С чего мне было скрытничать? Операторов секретам не учат. То, что я знаю, можно даже прочитать, если пораскинуть мозгами и догадаться, где подобные сведения могут публиковать. Вот мастера, они действительно знают кое-что. Их знания передаются из уст в уста, не сразу, только тем, кто заслуживает доверия. И мастер никогда не пойдет в заброс. Это не его дело.

– Янина, – Док наконец задал вопрос, который я думала услышать гораздо раньше, – вы знаете имена штатных агентов на Фронтире?

– Вы поторопились, – устало ответила я. – Я не успела получить разведданные.

Он не огорчился.

Да, я давно поняла, что нужна им для другой цели.

Ну почему, почему я?! Почему меня угораздило попасть на Фронтир, и именно в тот момент, когда кому-то пришла глупейшая блажь – завести собственный питомник? Почему эти люди начинают действовать раньше, чем получают всю информацию и оценят даже не рентабельность, а просто возможность того, что им хочется?

«Мы решим это опытным путем».

Действительно, что еще можно сказать о х'манках?

Только то, что они побеждают. Так или иначе, невзирая ни на что.

В свободное от посещений время я мучилась смертельной тоской. Мне принесли лэптоп, карту с библиотекой и фильмотекой, но сейчас это не вызывало у меня ни малейшего инте-

реса. Дважды в день я прогоняла специальный комплекс упражнений, чтобы держать мышцы в тонусе; было искушение делать это чаще, просто от скуки и со злости, но экстрим-оператору нельзя слишком наращивать мышечную массу. Многим нуктам свойственно переоценивать свои силы. Аджи тоже такой. Вдруг... вдруг нам еще доведется встретиться. Отработать кое-какие элементы. Мой хороший может не рассчитать длину прыжка.

Пару раз приходил Лэри. Я старательно пыталась его разговорить. Это было несложно, потому что все равно бесполезно. Я подозревала, что отсутствие обычной камеры слежения означает только присутствие дорожной сенсорной камеры.

Лэри убрали. Питание мне стала таскать толстая, угрюмого вида тетка. Похоже, повариха. Ну и ладно. Одной иллюзией меньше.

– Вы не сможете отсюда уйти, Янина, – вскоре после этого сказал мне Хейнрри. – По нескольким причинам. Здесь нет казенных машин. И настолько старых машин, чтобы их ключи не были завязаны на генокод, нет тоже. Вы, как всякий оператор, благоразумны. В пустыне регулярно бывают самумы. Температура в ней выше, чем в пустынях Земли и даже Терры-3. И, что немаловажно, гуляют ррит. Кроме того, я думаю, вы же не уйдете без Аджи?

Он был прав.

Мне хотелось его убить.

Но я же не могла просто лежать и ждать!

Тогда я подумала: конечно, улизнуть мне не удастся. И ничего хорошего меня определенно не ждет. Но я же все равно могу барахтаться до последнего. И я буду это делать. Потому что я экстрим-оператор. Потому что имею слабость считать себя сильной. И потому что мне нравится себя уважать.

Если в состоянии предельного нервного напряжения я смогла связаться с Аджи, то отчего не попытаться еще раз? Если пройдет три месяца, и пять месяцев, и семь, а метаморфоза не начнется? Что скажет старый паршивец Хейнрри, что скажет старому паршивцу великий самец Экмен, и что скажут им обоим их неведомые хозяева?

Ха!

Вот только как прийти в такое состояние? Скука и утомление – определенно не то. То больше смахивало на истерику. Вторую в моей жизни.

Вот не думала, что когда-нибудь пожалею о том, что не истерична.

Следующая неделя прошла в самоистязании.

Я уже получила некоторые нужные сведения. Я приобрела уверенность. Я приняла решение. Ну, как я могла впасть в истерику?! И ни одна экстрим-оператор на моем месте бы не смогла. Такая у нас профессия – не располагающая. Если бы частью вашей работы было время от времени наблюдать процесс возникновения обезображенных трупов, а потом чесать шейку тем, чьими стараниями этот процесс шел...

Я мало эмоциональна и до отвращения нервно устойчива. Меня из-за этого жених бросил. Хотя пытался обвинить во фригидности и лесбиянстве разом. В зоофилии побоялся. Ха!

Ну и не жалко.

Придурок.

Да, вы правы, я пыталась впасть в истерику, думая о своей несчастной судьбе. Мне тридцать, я никогда не была замужем. Пару лет назад меня иногда посещали мрачные мысли, но с тех пор как меня официально казнили, мне стало настолько все равно... Теперь-то я в любом случае не смогу завести постоянного партнера. Тем более детей. Еще я думала о казни. О несправедливости мира. О своих родителях, которых постиг такой горький позор – дочь-убийца...

Безрезультатно.

То есть я расстраивалась. Злилась. Кусала губы. Даже плакала. Но, судя по моему невеликому опыту, для впадения в истерику мне нужны были животный страх, шок и полное непонимание происходящего. А их-то как раз и не предвиделось. Я не могла испугаться Аджи. Я не верила, что он сможет меня обидеть. Что бы ни случилось, во что бы он ни превратился. Он же практически разумен.

Он же меня любит.

Кончилось все это галлюцинациями. И тогда попытки впасть в истерику я прекратила.

Но не попытки войти в мысленную связь. Во-первых, выбирая между бесплодными усилиями и бездействием, я всегда выбирала первое. Как лягушка в кувшине. Во-вторых, где-то в глубине души я была уверена, что какая-то по счету попытка бесплодной не останется.

Общение с нуктой, конечно, развивает убогие телепатические способности человека, но итог развития все равно очень скромнен. Друг с другом пересылаться у операторов еще никогда не получалось. Правда, Николь говорит, что в детстве умела мысленно разговаривать со своим братом Дэнни, а во время полового созревания эта способность пропала.

Не факт, что правда.

Николь жутковатая. В раннем детстве она всерьез считала Рекса своим отцом, и ее очень печалило отсутствие хвоста. Надо сказать, что ее биологический отец даже не пытался как-то исправить положение. Хотя и не был разведен с ее матерью. Бегают дети на воздухе, играют со зверем. Упадут с дерева – зверь поймает, прихватит в воде судорога – зверь выгашит. Ни один подонок не пристанет – зверь рядом.

Удобно.

Даниэла слишком поздно заметила странные привычки у детей. К матери-то они относились нормально, а что с отцом предпочитали не общаться – так и он с ними тоже не особенно. До сих пор вспомнить жутко: жилы на шее Николь страшно проступают, голова откидывается, рот распахивается немыслимо широко и из глотки вырывается вопль, который, казалось, просто не может родиться в мягком, маленьком человеческом теле. Это вопль молодой самки, зовущей на помощь самцов-воинов. От таких шуток Николь даже домашние нукты половины города начинали сходить с ума.

Они с братом лазали по стенам наравне с Рексом. Два метра, отделявшие край крыши их коттеджа от ближайшего толстого сука, вообще не были преградой. У Николь нечеловеческая быстрота реакции и чувство пространства почти как у нукты.

Но даже она – не телепат.

Истерики добиться не удавалось, и я зашла с другого края. Войти в транс мне всегда было проще. Некоторым нужно обязательно видеть нукту, чтобы обменяться с ним эмоциями, а мне, к счастью, нет. Я сосредотачивалась и пыталась забыть о разделяющем нас расстоянии. Медленно плавала в непрозрачном тумане, ища свою рыбку – гематитово-черную, с лезвиями-чешуями и двумя наборами зубов в быстрой пасти...

И однажды я нашла. Я услышала. Только не то, что хотела и ожидала услышать. Вокруг по-прежнему висела серая мгла пустого ментального эфира, собеседник не появился в ней как какой-нибудь яркий объект. Просто между ушами гулко звучали до странности знакомые голоса.

Люди?! Неужели я в контакте с людьми? И что, сразу с двумя? Но они же не со мной общаются, а друг с другом? И почему я их не просто слышу, – то есть, не просто чувствую улыбку в голосе, но еще и почти вижу ее?

И фон, который я чувствую, как-то слишком знаком. Я всегда думала, что фон человека должен сильнее отличаться от нуктового. Ой, бедняжка... я же по его психике, наверно, как броневиком проехала...

Ну, конечно. Домашний. Совсем кроха, с собаку размером, на коленях у Дока Андерса...

Не то чтобы мне хотелось их слышать, этих типов. Но их беседа могла оказаться важной для меня. Поэтому я постаралась остаться в состоянии связи.

– Ты ее ни в чем не убедишь! – возопил мастер Хейнрри.

Они не обо мне?

Как же паршиво, что при телепатической связи нельзя подкрутить громкость. Хоть и слышу я не ушами, все равно впечатление такое, что сейчас перепонки лопнут.

– Я скажу ей, – доверительно и расслабленно протянул Лучший Самец, – «Девочка моя! эта республика, эта демократия осудила вас на смерть за то, что вы защитили себя от насилия».

Точно про меня. Там что, переворот готовится? Какая республика? Объединенный Совет? Правительство одной из колонизированных планет? Правительство одной из земных стран?

Джедаи... язвы их.

– И ты ни в чем ее не убедишь, – повторил Андерс. В этом случае он был прав. – Знаешь, почему?

Потому, что самовлюбленный идиот. И мучитель животных. А вовсе не благородный разбойник.

– Я смогу, – объявил Самый Совершенный Производитель.

– Я не буду с тобой спорить, – холодно ответил Док. – Ты убедишься сам.

– А еще я хочу ее трахнуть, – мечтательно сказал Экмен, явно Хейнрри игнорируя. – Блондинка, глазки синие... ноги длинные, личико отмороженное...

– Думаю, после нукты ты ее ничем не порaziшь, – ядовито сказал Хейнрри.

Ах ты, старая мразь!...

– По-вашему, это правда?... – оживился Наиболее Оптимальный Брачный Партнер.

– Экмен, – сказал Андерс. – Ты что, не понимаешь? Она сама генетически модифицирована! Поэтому у нее такая морда! Ей никто не нужен, кроме ее динозавра!

Он такой же динозавр, как ты обезьяна.

– Зачем программировать человеку атрофию мимических мышц? – справедливо изумился Экмен.

– Атрофия – побочный эффект, – быстро объяснил психический дед. – Она нелюдь! Я не знаю, трахал он ее или нет, но сцепка у них такая, что мне делается страшно. У человека не может быть такой сцепки с животным. У человека даже с человеком такой сцепки быть не может! Они общаются телепатически!

– Это лажа, – лениво и раздраженно оборвал Экмен. – Никто ни с кем не общается телепатически. Док, вы же умный человек, книги читаете...

Меня стал разбирать смех, и я испугалась, как бы связь не разорвалась. Но голоса только стали немного тише. Оно и к лучшему. Мой нечаянный микрофон совсем поник. Он так растерялся и перетрусил, что невольно пустил слюни хозяину на руки. Андерс сбросил его на пол.

Прости, малыш, мне очень нужно. Правда.

– А я хочу ее потрахать, – продолжал Великий Оплодотворитель.

– Ты не боишься, что у нее *vagina dentata*?

– Я трахну ее в задницу, – Экмен хохотнул. – А если у нее и в жопе зубы, то, значит, такая у меня судьба.

– Она нелюдь. Это все равно, что трахнуть ррит.

– Если бы рритские бабы были такими же хорошенькими, я бы их трахал.

– Это скотоложество.

Экмен ухмыльнулся.

– Это ксенофилия...

– Ты знаешь, был такой отморозок, охотник, Лакки, – хладнокровно сообщил Док, – который трахал ррит.

– Как? – Экмен чуть не подпрыгнул.

– На спор.

– Как?!

– Фиксировал и трахал.

– Вот отморозок! – с каким-то оторопелым восхищением согласился Лучший Самец. – А где он сейчас?

– Я не знаю, где он сам, – тонко улыбнулся старик. – Но я могу сказать тебе, где находится его скелет. Ориентировочно.

– А, – сказал Самый Совершенный Производитель. – Понял. Это хорошо. Такие не должны размножаться.

– Он сумел украсть где-то кусок биопластика, – мягко продолжил Док. – И сделать боевые ленты. У него было две ленты, – старик помолчал. – Интересно, как ррит ухитрились его взять. Они не действуют командой. Но в существование великого рритского воина, который сумел избавиться от двух лент, я не верю. А ленты попали к ним...

– И что? – расслабленность Экмена куда-то пропала.

– Фронтир – то еще местечко. Мы ловим рыбку в мутной воде, но как бы из нее не вынырнуло чудовище...

– Док, конкретней! Ленты еще появлялись? Ррит научились ими пользоваться?

– Это неизвестно.

Экмен резко выдохнул.

– Ну, так и нечего полошиться, – зло сказал он. – Хомо сапиенс создал, хомо сапиенс командует.

– Не отмахивайся, – ответил Док и в голосе его прозвучало железо. – Все сапиенсы понимают, что уничтожить планету, как в ролике, невозможно технически. Объединенный Совет не богат настолько, чтобы выжигать целый мир. А эти проклятые горы, многокилометровые пещеры, болотистые джунгли... Почему город стоит в пустыне, а не на краю леса, где-нибудь у воды, где климат лучше? Потому что Фронтир – это не планета. Планета называется Ррит Кадара. Фронтир – это кусок пространства, который люди зачем-то захапали. Я предчувствую, что однажды город эвакуируют. И где тогда окажемся мы?

– Доктор, да вы крышей едете, – буднично, почти равнодушно, заметил Экмен. – То у вас нукты общаются телепатически, то город эвакуируют. Перегрелись, что ли?

И, патетически завывая, Лучший Самец провозгласил:

– Злые силы генетически модифицируют людей. Ррит готовят реванш. Скоро гипертехнологии поработят человечество. Тараканы – неизвестная разумная раса!

Судя по вам, очаровательнейший местер Экмен, отдельные представители этой расы действительно разумны. Во всяком случае, говорить умеют.

Очень приятно было все это услышать.

Но Аджи я так и не нашла.

4

Дни я не считала. Потому что дату от меня не скрывали. Зачем?

С того дня, когда на входе в ангар мне прижали к лицу тряпку с хлороформом, прошло ровно сто суток. По земному времени наступило двенадцатое августа. В пустынной части Фронттира царствовал сезон засухи.

Это была круглая дата и еще по одной причине. Ровно два года назад Янина Хенце была подвергнута эвтаназии как антисоциальный элемент высшей категории опасности.

О моем внешнем виде позаботились уже давно. Принесли новую одежду: джинсы, майки и красивый и дорогой льняной брючный костюм кремового цвета. Для радости очей Экмена, не иначе, хотя осуществлять свое намерение он почему-то не торопился.

Когда незнакомый мне флегматичный мастер очень вежливо попросил меня собираться, я не ощутила ничего, кроме сосредоточенной готовности к действию. Я поняла, что Хейнрри и Экмен добились своего. Что метаморфоз завершился, по крайней мере, внешне. Что через несколько часов я могу погибнуть наименее возможным для экстрим-оператора образом. Но сейчас рефлексии были недопустимы.

Временами экстрим-оператор – такое же биологическое оружие, как ее нукта.

Меня вывели на воздух. Посадили в «крысу».

И тогда я поняла, почему не могла войти в контакт с Аджи. Вольер находился на значительном расстоянии от базы. Видимо, сначала моего мальчика заперли прямо в здании, а потом, из страха перед боевым нуктой или из каких-то других соображений, перевезли. «Крыса» шла, судя по моим ощущениям, минут десять и очень быстро. Несколько десятков километров – это много даже для связи нукт между собой, не то, что для человека.

Начальство прибыло к месту проведения эксперимента раньше меня. Людей было удивительно мало. В пределах видимости стояли всего две «крысы», наша была третьей. В тени внушительного забора неторопливо беседовали Хейнрри и Экмен, чуть поодаль сидели рядом и курили трое вооруженных мужчин.

Рядом, на грани тени и света, полуозаренные солнцем, стояли двое... два существа, которые определенно не принадлежали к человеческой расе. Равно как и к расе ррит.

Симпатия, которую могут испытать или не испытать друг к другу представители разных цивилизаций, зависит вовсе не от меры их внешней схожести. К людям наиболее близки по менталитету нкхва, которые при первом знакомстве вызывают у нас плохо скрываемую тошноту – так очевидны в них черты предков-амфибий. По отзывам нкхва, мы для них ненамного симпатичней. Тем не менее, привычка скоро делает внешность маловажной, и собеседники понимают, что мыслят схоже, им легко договориться и интересно друг с другом. Даже юмор у нас одинаковый.

А вот анкайи не просто удивительно похожи на людей, но еще и очень привлекательны. Даже то, что отличает их от нас, кажется нам красивым: ресницы не только по краю века и намного пушистей и гуще, очень крупные глаза на маленьком лице (анкайи произошли от ночных животных), гривка, уходящая вниз по позвоночнику. Но со временем их гармоничные черты начинают казаться отталкивающими. Психологически человек даже к ррит ближе, чем к ним.

Анкайи не делают обобщений. Совершенно. Мы не можем и вообразить себе подобный образ мышления. Долго контактировать с анкайи тяжело.

Я про это читала. Но сама видела анкайи в первый раз.

Они действительно прелестны. Такие... как игрушки. Глазастенькие. Одежда из тонкой ткани вроде шелка, яркая, многослойная, полы развеваются. И им не жарко? Или под одеждой фреонные костюмы? А интересно, какого они пола?

И что они вообще здесь делают?!

Я с трудом заставила себя отвести глаза. Сейчас не это важно.

Ограда вольера. По крайней мере Хейнрри, или кто там все это проектировал, был в курсе, что самки значительно крупнее самцов. Внешний ряд сложен из гигантских железобетонных блоков, метр или больше толщиной. Четыре блока друг на друге, нижний ушел в землю... Еще метра три над ними – металлическая решетка с острыми внутрь. Внутренний ряд – из проволочной сетки, по высоте равен внешнему. Похоже, сетка под напряжением.

Ха! У них не хватило денег? Или ума?

Положим, земного динозавра такой заборчик действительно бы остановил. И даже куда более скромный заборчик. Но я подозреваю, Аджи лишь потому до сих пор сидит внутри, что попросту не знает, что ему еще делать. Он же не земное животное! Как хорошо, что липовый «Док» Андерс не догадался спросить меня о том, что из себя представляет родная планета нукт. А то бы я, не подумав, и рассказала. Там человека и скафандр высшей защиты не уберезет...

Но ведь про электричество я ему рассказывала. Точно помню.

Я сказала, что нукты устойчивы к электрическим разрядам.

Я оговорила. Без всякой задней мысли.

Они к ним невосприимчивы.

Пока я любовалась забором, ко мне подошел Экмен. Он снова был полубожен и красовался знаменитым ожерельем на мускулистой груди. Неужели не боится обгореть?

– Простите, что заставил вас скучать столько времени, – мягко сказал он. Я изумилась. В его голосе не было фальши. – Я был занят.

– Охотились?

– И это тоже.

– Был такой охотник, Лакки, – по неожиданному наитию сказала я. – Он не очень удачно завершил свой жизненный путь. Вы бесстрашны?

Экмен улыбнулся. Он хотел улыбнуться мудро, но получилось самодовольно. Подцепил большим пальцем свои бусы.

– Они были бесстрашны, местра Янина. По-настоящему.

– А у вас был биопластик, – не удержалась я.

– Вам ли меня укорять, – он не оскорбился. – У вас был Аджи.

– Вы его у меня отняли.

– Вы так любите драконов, принцесса, – вздохнул Экмен и положил ладонь мне на щеку.

– А вы здесь рыцарь, мастер Экмен? – я не стала дергаться и кривиться, и он не подготовился к удару. – Мой нукта более джентльмен, чем вы.

Он отдернул руку так, будто я сообщила, что ядовита.

– Боюсь, теперь он леди, – в голосе Экмена ничего не изменилось. Он оказался достаточно умен и выдержан, чтобы не унижить себя самому, ударив меня. – И скоро начнет нести яйца. И сейчас вы пойдете к самке в вольер, милая местра Янина, мастер вы там или нет.

– Я говорил тебе, что она любит динозавров куда больше, чем людей, – проскрипел незаметно подошедший Док.

– Животные невинны, – тихо сказала я. Не ему. Себе самой.

Для нукты неважно, что женщина может быть крупнее, умнее, сильнее или увереннее в себе. Их самки все такие. Но она женщина, мать, – значит, нужно беречь и защищать ее, даже ценой собственной жизни. Поэтому-то многим операторам трудно выйти замуж. Когда чувствуешь такое отношение к себе, когда привыкаешь к нему – очень тяжело соглашаться на меньшее...

Я понимаю, что у нукт инстинкты.

Все это понимают.

Гигантские ворота из цельнолитых стальных прутьев в мою руку толщиной. Их части полностью перекрывают друг друга и уходят на полметра в бетон. Створки не распахиваются, а уезжают вглубь стены.

Каких все-таки размеров самка?

– Ну что же... Вперед! – браво скомандовал Экмен. Потом вдруг снял с себя клыкастые бусы и нацепил мне на шею. – На удачу.

Надеюсь, моя удача будет отличаться от удачи бывших владельцев этих зубов.

Красивое ожерелье, не короткое, и клыки лежат щедро, вплотную... Судя по форме, каждый из них – левый верхний. А вот эти, длиннее и более округлые в сечении, образующие что-то вроде подвески – явно женские.

– Не бойтесь, что нукта проглотит ваши бусы вместе со мной?

– У меня есть другие, – Экмен ухмыльнулся с видом кота, обожравшегося сметаны. – Две штуки. И я всегда могу добыть еще столько же.

А кто-то думает, что ррит уничтожили всех до единого... ха. Да их не уничтожили бы только для того, что всякие экмены могли тешить свое самолюбие, выламывая им клыки. Человечество любит доминирующих самцов.

С этой мыслью я пошла в вольер.

Злое солнце Фронтира, звезда ррит, плыло к закату. Плотная атмосфера наливалась кровью. Огромный забор и скалы, возвышавшиеся вдаль, бросали черные тени. Поднимался туман – не водяной и не песчаный, странная особенность местного воздуха. Над землей медленно тек размытый багровый свет.

Ворота с глухим шорохом сомкнулись за моей спиной. Я невольно обернулась. С той стороны к решетке подошел Экмен.

– По данным сканеров, нукта сидит в скалах. Около километра отсюда. Есть прожекторы. Включить?

– Нет, конечно.

Он понимающе кивнул. Он смотрел на меня так, как будто я не шла, с сорокапроцентной вероятностью, в пасть хищнику, а, скажем, готовилась выступить на сцене.

Что же, сумею – выступлю. Ты это будешь помнить недолго, Экмен, зато до самой смерти.

Я развернулась к воротам спиной.

Вольер оказался достаточно велик, но забором был обнесен не весь. Пройдя два десятка шагов, я поняла, что скальная стена изгибается едва ли не правильным полукругом, устье этого «залива» и перегородили. Искусственная ограда сменялась естественными стенами, очень высокими и совершенно гладкими. Великая Пустыня Ррит Кадары – это дно древнего моря. Песок здесь соленый, полукруглые стены созданы давным-давно не вулканической деятельностью, а организмами вроде земных кораллов. Только склонными к геометрически правильным постройкам... Под ногами шуршал песок, тут и там поднимались скалы, порой в два человеческих роста, у стены – купа гигантских хвощей. Скорее всего, вокруг воды.

Аджи не было видно. Становилось темно.

Я впервые ощутила страх.

Стараясь унять бешеные прыжки в груди, я напрягала зрение. Не вижу! Неужели самка такая маленькая, что скрывается за «деревьями»?

Я попробовала ощутить эмоции нукты.

В голове помутилось, и я упала на четвереньки.

Ощутить – это же всегда впустить в себя... Я представляла, что он должен чувствовать. Но тогда я умела как-то назвать это – стрессом, двойным стрессом, депрессией, как угодно, – а здесь не было названий. Потому что не оставалось человеческого языка.

Я заплакала. Мозг не вмещал такую нестерпимую горечь. Выдавливал ее из себя через слезные токи. Капли с ресниц опали в песок, но на самом деле я почти успокоилась. Насколько было возможно. Чужие чувства, это чужие чувства, не мои... Экмен, ты, подонок... Нет. Никаких экменов.

«Аджи», – позвала я.

Она зарычала.

Она была огромна.

Чудовищна.

Она сидела на земле, сжавшись, став слитком металла. Когда я озидала загон, то приняла ее за большую скалу.

Я кое-как поднялась, ободрав ладонь о камень, и подошла к ней вплотную. Если это видели Хейнрри со товарищи, то должно быть, подумали, что Аджи сейчас, даже не двинувшись с места, может убить меня сразу несколькими способами. Но нам с ним... с ней такой мысли не пришло.

Я не знаю, как рассказывать. Это очень сильно отличалось от того сеанса телепатии, до которого я себя довела. У меня не было ни зрительных, ни слуховых ассоциаций. Мы не разговаривали мысленно. Не обменивались эмоциями. Я стояла там, где была Аджи. Я, в общем-то, ничего не делала. Или делала. Мне хочется сказать «проникалась», но это слово используется в другом значении. Я проникала. Чувствовала проникновение...

Когда возле ворот все-таки включили маленький прожектор, я не заметила. Хорошо хоть, направили его не на нас. Хватало с них инфракрасных камер. Я очнулась, когда стало совсем темно и почти холодно – камни уже остывали. Ноги затекли и разболелись от долгого стояния в неподвижности.

Аджи так и не пошевелилась. Даже хвост не сдвинулся.

Я шла обратно к воротам и думала про базу DDF-89/0. Неокислородная планета, хмурая и однообразная природа, не очень плотная атмосфера. На DDF по время войны держали маленький перевалочный пункт. Она была удобно расположена между двумя Террами. Людей на DDF было немного, но базу хорошо оснастили. Раскинули новейшую для той поры систему маскировки, очень эффективную. Подобными до сих пор пользуются.

Ррит пытались разобраться с DDF несколько раз. Либо попадали по муляжам, либо не могли засечь цели. Тогда совершили высадку. Десант мог просто передать данные, и корабли расстреляли бы базу с орбиты. Но воины ррит поняли, что гарнизон невелик – и решили развлечься.

После дня боев людей оставалось всего трое, системы обороны были разрушены, отказало жизнеобеспечение; по-прежнему функционировал только пресловутый камуфляж. И когда началась очередная атака, люди сбежали. С ними была экстрим-оператор по имени Кесума. И ее Джеки остался прикрывать отступление.

А он был великий воин. Он отстоял базу в одиночку.

Он дрался для людей и верил, что люди вернуться за ним. Но они не вернулись. Джеки ждал и ждал, веря, что однажды Кесума вернется. Но у людей было много других забот. Джеки решил, что его подруга погибла. И метаморфировал.

Когда люди снова пришли на DDF, они нашли там дикую семью. Это были нукты боевой разновидности, и они могли нападать на людей. А среди тех неоткуда было взяться мастеру, чтобы он разобрался и заново приручил нукт. И некогда было его вызывать. Люди убили всех. В разоренном гнезде обнаружили вещи прежнего гарнизона, брошенные когда-то в спешке – фотографии, карты памяти, одежда. И наручный компьютер Кесумы. Джеки хранила его. Батареи разрядились, но он все еще был рабочим. Тогда поняли.

...Я подошла и нахально окликнула Экмена. Лучший Самец подбежал едва ли не рысью. – Янина? – неуверенно начал он. – Что вы?...

– А чего вы ждали? – раздраженно сказала я. – Что я приведу самку на поводке, и она будет приносить палочку? Она меня видела, я жива. Что вам еще нужно?

– То есть, – ему явно нужен был отчет, – вы пообщались, дали ей привыкнуть, теперь она подпустит вас спокойнее... Насколько я понимаю, вам нужно будет еще встречаться, регулярно, для установления контакта, но в общем можно сказать, что прошло успешно? Так?

Однако, как он зачастил.

Я помолчала.

«Мне хочется дать этой тварюке орден Славы», – сказал маршал Луговский, услышав однажды про Джеки. Конечно, ордена дают людям и собакам; лазерным пушкам, пистолетам и нуктам орденов не дают. Но маршал повторил свои слова для журналистов. Этого вполне достаточно.

– Вы выпустите меня? Я страшно устала и хочу спать.

Экмен расцвел белозубой улыбкой, которая сверкнула в свете прожектора. Это было на редкость противное зрелище.

– Открывайте!

Я вышла, не глядя на него. Створки съехались вновь. Я прекрасно знала, что они бы вовсе не открылись, стой Аджи за моей спиной. Но она сидела неподвижно в глубине вольера.

Экмен, ты даже не представляешь, насколько успешно...

«Ко мне!»

Было так тихо, что я решила – провал. Но секунда, еще секунда, и...

Ух!

Многотонное тело взвилось в прыжок с неправдоподобной легкостью, так, словно весило не больше кузнечика. Перемахнуть ограду по-спортивному чисто Аджи не удалось, так что снести она снесла только колючую проволоку. Брызнули искры.

Вот как важно порой оговориться.

Автоматика включила прожектора. Настал искусственный день тошнотно-голубоватого цвета. Команда Экмена в одну глотку завопила что-то нечленораздельное. Ожили пулеметы на вышках, но стреляли пока внутрь вольера. Видимо, на отпугивание были рассчитаны. Убить нукту из пулемета – все равно, что убить человека иголкой. Большая удача или большое искусство.

Хрясь!

Хвост Аджи распахал ближайшую «крысу» напополам, как большой нож.

– Вторую! – крикнула я, перекрыв вопли и стрекот автоматических орудий. – Машины уничтожить! Орудийные вышки уничтожить! – только потом подумала, что можно было не орать, а просто послать мысль.

Экмена не было видно. Его команда разбежалась. Они даже не пытались стрелять, потому что в руках у них были только бесполезные автоматы. Резаки одной из «крыс» погибли, на той, что привезла меня, похоже, уехали анкайи, а третью сейчас отгораживало от них мое живое оружие во всей смертоносной красе.

Андерс, сбиваясь с ног, торопился к невысокой бетонной постройке, но старческая прыть – никудышная.

Р-раз!

Ах, молодец!

Ближайшая пулеметная вышка грохнулась аккуратно перед дверью бетонной хибары. Мне почудилось, что Док застонал.

Аджи раскурочила вторую вышку. Оружие все еще выплевывало остатки боезапаса – вниз, в землю.

– Аджи-и!

Земля вздрагивала под ее шагами. В следующее мгновение я поняла, что она несется прямо на меня, выполняя заученный элемент, рывок к оператору, и сейчас я должна прыгнуть и уцепиться за костяной вырост на плече нукты.

А я не смогу.

Я просто не достану.

Думай быстро!!

Я бросилась в сторону, отказываясь от предложенного нуктой варианта. Аджи поняла и остановилась. Что теперь?

Мы уходим. В этом нет сомнений. Аджи определит, где город, заблудиться нам не грозит. Но сколько сотен или даже тысяч километров до него? Растерянность съедала мои драгоценные секунды одну за другой. Сейчас придут в себя парни Экмена. Сейчас они сообразят, что из автомата нельзя пристрелить нукту, но очень легко – меня.

Аджи клацнула челюстями и зарычала.

Воздух колыхнулся за моей спиной. Этот звук, напоминающий тихий женский вздох. Я слышала его тысячи раз.

Звук поднимающейся «крысы».

Во рту высохло.

Поганец Хейнрри дополз до нее. Я это допустила. Я допустила, что мое оружие убило альтернативных граждан. Я допустила, что Аджи фиксировали в тесном коридоре. Я допустила, что вонючий Андерс залез в остромордую машинку и сейчас врубит резак. И отстрелит нас, как неадаптированных ррит.

Все закономерно.

Меня развернуло – словно чьей-то чужой волей. Я успела заметить, как из «ушей» машины выдвигаются тоненькие жала резаков. Время замедлилось. Я смотрела, как набухает ядовитое свечение на кончиках игл; люди этого никогда не видят, заряд собирается в доли секунды...

И я умерла. Это случилось ночью, посреди величайшей пустыни Фронтира, который на самом деле называется Ррит Кадара. На нем живут ррит, наши бывшие самые страшные враги. Фронтирские поселенцы боятся их. Но меня убили люди.

Некоторое время мне еще казалось, что я стою на остывшем песке и гляжу в темноту. И думаю обо всем этом.

Низкий свист. Звук глухого удара. Как будто свалился большой мягкий зверь, а не обшитая сталью небесная бегунья. Один резак успел выстрелить. Пульсирующее энергетическое лезвие умчалось в пустыню, озарив на мгновение полнебосвода.

Аджи сняла «крысу» прямо в полете. Хвостом. Ювелирным ударом по самой слабой части «крысиной» брони.

Прощайте, местер Хейнрри. Да будет Фронтир вам пухом.

Ха!

Импровизированный гроб местера Хейнрри сдувался на глазах, как мячик. От удара вышли из строя генераторы, и та же сила, что отрывала «крысу» от земли, теперь страшно сплющивала ее. К этой штуке без автогена не подступишься. Я кинулась ко второй, изодранной. Она валялась на боку, приветливо распахнув покореженные кишки.

На Фронтире в любой «крысе» есть запас воды. Всегда. Без разницы, гоняет на ней патруль с форпоста в пустыне, стоит она в городском гараже или вообще еще в салоне непроданная. Фронтир – не Терра. Люди здесь выживают.

Вода хлестала из лопнувшего бака в соленый песок. Напор быстро ослабевал. В уже начавшей высыхать луже плавали, сплетясь замысловатым узлом, бесчешуйные змеи пакостно белесого цвета.

Я чуть не завопила от радости.

Потому что это были не змеи, а биопластиковые ленты, определенные кем-то в псевдоживую форму. Ох, немалые деньги заколачивал Экмен на Фронтире... Каждая из них по цене была что-то около моей зарплаты за несколько лет. Считая и забросные выплаты. Но биопластик того стоил.

Как же хорошо, что меня научили с ним обращаться, пока я снималась в клипе! Пластик воспринимает самый слабый мысленный приказ, но его еще нужно суметь отдать. Эта масса, скорей всего, применялась исключительно в боевых целях, но биопластик всегда мультифункционален. Из двух лент я с горем пополам соорудила шлем, а оставшимся велела сформоваться в костюм и тоже держать температуру. Без терморегуляции в пустыне я очень скоро умру. Днем здесь слишком жарко для человека, а ночью – холодно.

– Аджи!

Она ждала. Я сунулась в нутро «крысы», ища что-нибудь вроде бутылки, но не нашла, а вода уже заканчивалась... Тогда я напилась ее просто так, впрок, и умылась из солоноватой теплой лужи. В последний момент сообразив, велела одной ленте стать сосудом для воды. Пластик не привык к такому, его много лет использовали только для фиксации и удушения, он не понял приказа и впитал жидкость как губка вместо того чтобы сохранить ее в полости. Мне почудились шаги, и мгновение спустя Аджи издала боевой клич. Хвост ударил по земле, взметнув песок. Времени уже не было.

Взобравшись на плечо нукты, я окинула взглядом поле битвы. Ленты ползали по моему телу, постепенно образуя удобный контур. Еще грамм четыреста массы, и был бы полный костюм. Биопластик медленно привыкал к своей новой защитной роли и начинал действовать. Это было удивительное ощущение. Прекрасное. Радость и мощь. Я засмеялась, громко, издевательски, как ведьма. Пластик вливал в меня силы, – это были внешние, настоящие силы, а вовсе не остатки ресурсов моего организма. Я чувствовала себя победившей. Сильной, веселой и злой. Как в стихах.

– К городу! – сказала я торжественно.

И мы полетели в ночь. Скорость охотящегося гепарда для нукты – скорость послеобеденной прогулки.

Ветер свистел в ушах. Теперь мне не нужно было вытягиваться точь-в-точь на позвоночнике, чтобы облегчить Аджи ношу, я сидела как в кресле.

«Самки приручаемы», – билось у меня в голове. – «Самки приручаемы, но мастер никогда никому не скажет об этом».

5

Терра-3 – невероятно красивая планета. Она как сон. Лазоревый свет солнца, пышные цветочные гроздья, сладкие реки. Плоды тамошних деревьев (точнее, сердцевинки семян, плодов там нет) можно есть. Некоторые очень вкусные.

Вся эта радость расположена на полюсах и в субарктическом поясе. А прииски, шахты, карьеры и скважины Терры-3, из-за которых человечество несколько раз стояло на грани междоусобной войны – они в средней полосе и субтропиках.

В аду.

Это был худший заброс за всю мою жизнь.

В джунглях Аджи чувствовал себя как дома. А я мучилась. Наденешь респиратор – помираешь от жары. Снимешь – дышишь этим масляным, густым, горьким. Не воздух, а издевательство. Местное зверье орет днем и ночью и носится чуть ли не по твоей голове. Не знаю, непуганое ли, но дурное до ужаса. Помню, лежу я в тени и грызу кислотоватую сердцевину какого-то ореха. Железную его скорлупу для меня услужливо разбил Аджи. И вдруг мне прямо на живот, оглушительно вереща, прыгает нечто, похожее на помесь вороны с белкой. Аджи молниеносно его хватает, душит и отшвыривает в кусты. И из тех же кустов точно ему в морду с таким же верещанием вылетает сородич белковороны. Смешно? Эти умильные и тупые твари питались вроде пираний и могли вдвоем сожрать человека заживо... А мне, между прочим, выдали репеллент. Но он не действовал. Они никогда не действуют.

Тубы все равно приходится таскать с собой. Если тебя осчастливит язвами, отравлением или даже раком кожи из-за яда местного гнуса, – докажи, что при тебе был репеллент, и твоя страховка действительна. А вот если ты его выбросила в болото и плюнула вслед, то делай что хочешь.

На Терре-3 мы должны были всего лишь забрать разведанные у агента. Агент действовал на нелегальных приисках по добыче квазицитов, ценнейших «живых» минералов. Производство биопластика – золотое дно на всех этапах. Дело было поставлено на широкую ногу, за секретностью следили профессионалы. Никаких связей с внешним миром. Минерал транспортировался по джунглям к городу и там вывозился с планеты под видом чего-то еще. Это было не слишком трудно, количество добытого измерялось в килограммах. Старатели любую машину засекли бы мгновенно. Был опыт. Прежнего агента разобрали на запчасти.

Все, что мы должны были сделать – пройти сто километров от края сканируемой зоны до места встречи.

Много позже, в забросах высшей категории опасности, я вспоминала Терру-3 и усмехалась. Кто их поймет, в секции планирования, как они высчитывают категории?

Но убранный цветами ад Терры-3 – курорт по сравнению с фронтирской пустыней.

Да, я хорошо переношу жару, я неплохо акклиматизировалась и даже несколько большую силу притяжения уже не замечаю. У меня есть биопластик. Много. У меня есть Аджи.

Но фронтирская пустыня, где даже ррит не появляются без большой надобности...

Аджи бежала всю ночь и утро. Погони не было. Хейнрри погиб. Может быть, у Экмена возникли другие проблемы. Думаю, нас нетрудно было найти и догнать, на «крысах». Я уверена, что Аджи шла к городу по прямой.

За час до полудня мы увидели на горизонте скалы. К полудню поравнялись с ними. Причудливые фигуры выветривания давали какую-то тень даже в это время. Я чувствовала, что еще немного – и я свалюсь вниз с плеча нукты, а это сейчас стало очень высоко. Я остановила Аджи, слезла и упала под каменный гриб. Она села рядом, глядя на меня сверху. Кажется, она все еще росла. Она может вырасти до тридцати метров в длину, если сочтет это необходимым. Я представила, сколько это, и мне стало жутко. Ладно, половина на хвост. Все равно много.

Биопластик спасал. Без него я бы уже умерла. Он лучше, гораздо лучше фреонного костюма спасал от жары. Хорошо, что здесь сухой воздух. Не представляю, что творится в экваториальных лесах. Я спрятала руки и уснула.

Когда я проснулась, вечер еще не наступил. Должно быть, прошло часов пять. Аджипрежнему сидела надо мной. Теперь она отбрасывала длинную тень – прямо на меня. Моя радость.

А рот у меня ссохся. И горло. И желудок. Невыносимо.

Мне стало холодно.

Под солнцем Фронтира, без еды и питья, Аджиспокойно отмахает сотни километров. И принесет в город мои мумифицированные останки. Биопластик защитит меня от перегрева, на крайность, его можно есть – но что и где я буду пить?

Лента после долгих мытарств отдала три глотка. И все. У нее больше не было.

Сколько еще до города?

Сколько?

Аджи наклонила голову, глухо урча. Я поняла, что она говорит.

«Похвали меня, Янина»...

Я прижалась к броневому выступу ее груди и разревелась от страха. Без слез. На них уже не было влаги. Растерянная Аджи обняла меня сперва передними лапами, потом хвостом, понюхала мою голову, мурлыча что-то утешительное, а потом не сдержалась и начала скулить и подвывать вместе со мной.

Ну и вид у нас, наверное, был. Обнялись две женщины и рыдают. За компанию...

Выпуск – это очень красиво. Красивей, чем выпуск экстрим-операторов, наверное, только парад Победы, и то не всякий, а юбилейный. Нас снимали фото– и кинохудожники. Не считая, конечно, родни. Три десятка художественных пленок я, не пожалев денег, заказала распечатать в портретном формате на лучшей бумаге.

Это очень красиво.

Карту с файлами я потеряла во всех этих передрягах. Даже не помню, когда. Напечатанные кадры остались у мамы. Наверное, она их хранит. А может, и нет. Меня казнили за тройное убийство.

Парадная форма операторов – белая с золотыми шнурами. Синий берет с золотым гербом Объединенного Человечества. Удивительный контраст: стройные молодые девушки в белом и их нукты, иссиня-черные, с выступами-лезвиями на броневой шкуре. На передние лапы припасть, хвост к полу прижать, вдоль тела вытянуть. Смир-р-на!

Сначала мы стоим под солнцем, ровной длинной линией. Обязательно под солнцем, потому что для нас всегда разгоняют облака. Конец мая или начало июня. Где-нибудь на Древней Земле, старая площадь, которая помнит еще кавалерию. Города бывают разные. Это очень красивое зрелище, а питомники принадлежат не стране, а Объединенному Совету. Поэтому выпускной парад проводится в разных странах. Как Олимпиада.

Мы принимаем поздравления нашего генерала, иногда еще и президента страны. Читаем клятву.

Конечно, строим мы не ходим. Это бы выглядело по-идиотски. Кроме того, нескольких операторов нельзя соединить в подразделение. Каждый расчет – отдельная единица. Ценность операторов не в унифицированности и даже не в дисциплине. Наши действия индивидуальны и непредсказуемы. Нукты – не механизмы, хоть их и любят перевозить как машины убийства. А люди – тем более. Мы всегда сами выбираем тактику. Это дает лучшие результаты.

Нас даже волосы стричь не заставляют.

Мы проходим неспешным бегом. Через площадь, по улицам, где люди машут нам и смеются. Иногда, не останавливаясь, сажаем малышей кататься на «больших зубастиках». Востор-

гов до небес; сама заражаешься и чувствуешь себя ребенком. А потом мы вместе с нуктами идем в самый большой в городе луна-парк. И на весь день он для нас бесплатный. На операторов собирается посмотреть такое количество народу, что сборы вырастают втрое.

Помню, я пошла кататься на колесе обозрения, а Аджиджи оставила внизу. Ой, как он волновался! А когда моя кабинка доехала до самого верха, я позвала его, и он со скоростью пули взобрался по колесу наверх. И все люди, которые глазели на это, заплодировали.

Во время войны было четыре случая, когда десантные группы отказывались от сопровождения операторов.

Тогда не было гипертехнологичных кораблей. Были огромные заатмосферные крейсера и припланетные челноки. Только-только появился биопластик. Словосочетание «домашний нукта» звучало как «горячий лед». Еще вчера они могли использоваться исключительно как живые мины, смертельно опасные и для людей тоже. Не была выработана тактика. Первых операторов прикомандировывали к десантным подразделениям. И можно было понять людей, которые не желали делить пространство десантной шлюпки с парой живых мин. Отказаться было несложно – они просто подписывали соответствующий документ.

Все эти четыре группы погибли на тех самых заданиях, куда их хотели послать с операторами. Родилась легенда: что это была месть. Не понимаю, как такая месть могла бы осуществиться – будто не ррит убивали этих солдат...

С тех пор никто не отказывался.

Я подумала про ту, первую боевую разновидность. Им программировали лояльность ко всей человеческой расе, так это называлось, но на деле это была лояльность такая, что нукту можно было привязать между двумя броневиками и разорвать на части, и ни сам он, ни его сородичи не могли возмутиться... Я это не для красного словца говорю. Так ее, лояльность, и проверяли.

Их оставляли на базах при отступлении. Их высаживали на корабли ррит с помощью «умных капсул». Когда отдавался приказ о тотальном уничтожении противника на поверхности планеты – этот приказ выполняли не люди.

Десантники и сейчас недолюбливают нукт. И нас. Они говорят, что мы ненормальные, но настоящая причина в том, что мы отнимаем у них хлеб. Когда к подразделению прикомандирован экстрим-оператор, то боевые доплаты солдат урезаются вдвое.

Все сводится к деньгам. Ракеты и бомбы – дорогое удовольствие. Порой складывается ситуация, когда массированные обстрелы нужны только для рекламы и сокрытия кое-каких других расходов, а для достижения цели эффективнее послать отряд спецназа. Два-три экстрим-оператора экономически выгоднее двух-трех десятков командос с неимоверно дорогим снаряжением.

Кроме того, потери при неудачной операции в любом случае меньше.

– ...ну не мог я с этой тварюкой в одном помещении находиться! Я рапорт писал, просил перевести в другую часть, куда пакость еще не завезли, а начальство отвечает – все, рядовой, теперь они везде, привыкайте, радуйтесь, знаете, как потери при наземных операциях снизились? Я говорю – майор, спасите, сил нет! Хотя в другую комнату уберите девку с тварюкой. «Какие вам комнаты на легких фрегатах?» – говорят, – «вам, может, апартаменты нужны с бассейном? Ширму поставьте». А где ты на легком фрегате ширму поставишь, когда все впристык?! А в ответ одно и то же – безопасны, безопасны... Ага, безопасны! Ты представь, встаешь ночью в сортир, а оно на тебя смотрит и губой дергает. Так ведь и в койку сходить недолго.

Вот и ты блажишь, что безопасны. Ну ладно, безопасны, но смотреть же противно. А потому, что самому от себя противно, когда на тебя ручная девкина зверюга зыркает, а у тебя коленки слабеют и мужские причиндалы в улитку сворачиваются. Не, конечно, был у нас в части один тип. Псих полный. Его бы давно списали и в клинику заперли, если бы он на все

смертные задания первый не вызывался. И ведь приходил без царапины. Один раз только пальцы на ноге отрубил, и то случайно, дверью отсека. Так вот, он тварюки не побоялся. Подошел ночью к девке, достал член и спрашивает: «Что, цыпа, отсосешь у меня?» А она отвечает: «Фафнир тебе отсосет». И подымается этот ее Фафнир, пасть раскрывает да как шелкнет зубом! От воплей вся казарма проснулась, видят, сидит наш психованный на полу и вопит: «А-а-а! Откусил!» Сержант посмотрел и говорит: «Э, мужик, да не откусили тебе ничего. Обоссался ты. Вот и кровь по ногам хлещет...»

С тех пор тварюка и скалилась на нас. Не доверяла.

Анекдот. Летит грузовоз. Старый, латаный, пушки маломощные, сама махина здоровеннейшая – одно удовольствие прицелиться. И вдруг выныривает рядом рритский истребитель. «Эй, х'манки! – передают. – Мы свой боезапас расстреляли уже по вашему брату червю. Так что дырявить вас не станем, а лучше возьмем на абордаж и налопаемся вашего мяконького мяса!» «Берите, – отвечают с грузовоза. – У нас на борту нукт две тысячи голов».

Тридцать пять лет, как война закончилась, а все равно смешно. Говорят, это не анекдот, а байка – действительно был такой случай. Диких везли, конечно, тысячами-то. Живые мины. Истребитель даже ответить ничего не смог, сконфузился и улетел...

Спрашивается, что мне еще было делать, кроме как думать о всякой чепухе? Молиться? Дрожать? С трепетом ждать приближения смерти? Это непрофессионально.

Я экстрим-оператор.

Кроме того, была ночь, прохладный ветер, и мне еще не очень хотелось пить.

Я не знаю, как выглядит земная пустыня ночью. Может быть, никогда уже не узнаю. Зато я знаю, как выглядит ночью пустыня на Ррит Кадаре. Немногие люди могут этим похвастаться... Не то, чтобы очень красиво, потому что попросту ничего не видно.

И все-таки удивительно.

У Фронттира нет луны. Есть только звезды. Но таких светил, не белых искорок, похожих на проколы в черной ткани, а настоящих, свирепых, косматых светил – не увидеть с Земли. Может, потому, что Фронттир ближе к центру Галактики. Но здесь еще атмосфера намного чище и прозрачнее. Хотя и плотнее. Ррит с самой зари своей технической эры любовно и заботливо относились к окружающей среде. Почти не использовали грязных технологий.

Ррит вообще-то умнее, чем люди. Это еще одна вещь, о которой все вроде знают, но которой как бы нет. Разум ррит превосходит наш по всем параметрам, кроме гибкости. Проще говоря, люди хитрее. И еще у нас выше способность к качественным скачкам. Это не я придумала сравнение, но мне запомнилось: когда ррит просчитали игру от первого хода до окончательного мата, люди превратили шахматную партию в раунд компьютерной стрельки...

Наверное, такого еще никто не испытывал. Такое может быть только на чужой планете, где человек – непрошенный гость. Совершенная тьма, свист ветра и где-то внизу – глухие удары невидимых лап по слежавшемуся песку. Гигантские звезды над головой. Звезды ррит, которые так долго принадлежали им. У них нет названий на человеческих языках. С Земли их почти все не различить невооруженным глазом.

Огромное, мощное, почти неуязвимое тело живого оружия. Ровно бьются два сердца под толстой броней, лапы топают мерно, как механические. Никакой изощренный разум не смог потягаться в разработке вооружений с дикой природой планеты, чей кодовый номер засекречен. Нукты ведь тоже инопланетные существа. Всегда знала это и никогда не могла почувствовать. И сейчас не могу. Вот же он, мой мальчик, мой Аджи.

То есть теперь – она.

Говорят, в пустыне бродят ррит. Власти Фронттира не могут этого отрицать, но клятвенно заверяют, что все неадаптированные экземпляры регулярно отстреливаются патрулями. Пропащие патрули заносятся в отчеты как застигнутые самумом и погибшие по вине неисправ-

ной и устаревшей техники. Это очень удобно, потому что позволяет требовать немалые деньги на ремонт и замену. Техника на самом деле у солдат хорошая. Это все из-за глупости и от скуки. И из-за отчаянного бесстрашия ррит, которых тридцать пять лет гложет непереносимое оскорбление. Спрашивается, кто виноват... ррит первыми посчитали людей животными. Они всех считали животными.

Я вспомнила об анкайи.

Это из-за анкайи люди потеряли в глазах прочих разумных рас (или в других органах восприятия) ореол благородных победителей и избавителей от тирании ррит. Точнее, не из-за анкайи, а из-за Терры-без-номера, она же Земля-2.

А если совсем точно, то из-за легендарной человеческой алчности.

Когда наш корабль впервые опустился на одну из планет, принадлежащих анкайи, мы уже захватили столько lebensraum, сколько не сможем заселить и за сотни лет. И обычная планета, пригодная для жизни, не вызвала бы таких эмоций.

Но это была не просто пригодная для жизни планета. Не просто планета с синим небом и зеленолиственной растительностью. Изучая данные сканеров, анализы воздуха, почвы и древесины, просто бродя по лугам и лесам, разведчики долгое время могли произнести только одну фразу: «Господи, это Земля!» Они отправляли диспетчерам новые и новые съемки, много больше, чем нужно по правилам, но в Центре и не думали их осаживать...

Человечество не устояло.

Военно-промышленной комплекс, доведенный до немыслимого совершенства долгой войной с самой мощной и агрессивной расой Галактики, снова пришел в движение. Анкайи были раздавлены в мгновение ока, никто не посмел возразить, но все, кроме нкхва, тихо отмежевались от нас. И полное почтения «хуманы» сменилось вдруг рритским словом-плевком: «х'манки».

По данным сравнительной ксенологии, только две расы знают феномен срачивания личности с имуществом – мы и нкхва. И лишь у людей срачивание может произойти так быстро.

Когда я думаю об этом, меня одолевают философские мысли. Но вот как анкайи оказались на нелегальной базе посреди Фронтира? Зачем? Не туристами же они туда прилетели, нужны были зачем-то Хейнрри...

Это не мое дело. Это проблемы Экмена, Центра, Объединенного Совета, чьи угодно. Если доберусь до города – упомяну в отчете. Под настроение могут и информацию выдать. Я вернулась с четырех «смертных» забросов, это внушает им уважение...

С пятого могу не вернуться.

Сколько еще?

Горизонт начал светлеть. Идет новый огненный день. Мне уже дурно от жажды. Человек сильное существо, он может больше, чем ему кажется. Я могу дожить до вечера. Пережить ночь. Но следующее утро...

Я не буду думать об этом. Я лучше подумаю о том, что вечером... или даже к полудню... вдали покажется город. Или форпост – они ведь вынесены дальше в пустыню. Или «крыса» патруля. Ведь может же такое быть. Может.

Опять скалы приближаются. Это хорошо. Хоть какое-то разнообразие.

А теперь я подумаю о Терре-5, замечательной планете, где нет пустынь. Или о славной Терре-без-номера, которая так похожа на Землю. Да, я подумаю о них.

Потому что мне больно думать о великой Древней Земле.

Биопластик держал меня на спине Аджи, намертво вплавившись в шкуру. Я бы сама уже не смогла цепляться. В глазах плавали зеленые, лазурные, розовые светила Терр...

Солнце поднималось. Оно было желтым, лютое солнце. Словно дома. Обман. Ррит презирают обман и вероломство; люди с такой радостью использовали это оружие против них...

Вот скалы рядом. А горизонт опять пуст. И почему я путешествую не по лесам и лугам любой из неполного десятка Терр, а по пустыням Фронтира...

И вдруг я поняла, что нахожусь совсем не на Фронтире. По крайней мере, именно в этом месте планета называется Ррит Кадара.

По-прежнему.

6

Первое воспоминание: по колонии идут экстрим-операторы.

Тебе еще не понятны эти слова, не известно, кто это такие; ты совсем маленький и воспринимаешь мир главным образом через запахи. Ребяшня возится посреди улицы, мальчишки постарше затеяли какую-то игру, но ты еще и игры этой не разумеешь, ты просто сидишь, смотришь, чувствуешь, как пахнут разгоряченные тела, азарт и веселье. И вот в этот славный запах вплетается запах х'манков – молочный, безобидный, запах вкусного мяса, в которое хочется впитаться зубами. Их ужасающее оружие, клацающее когтями по выщербленному дорожному покрытию, не пахнет ничем. Вообще. Поэтому ты не можешь понять, отчего все разбегаются, жмутся к стенам, почему от взрослых вместо благожелательного внимания веет страхом и задушенной злобой...

Все попрятались. А вы – не успели. Ты сидишь посреди двора вместе с совсем маленькой девочкой, которая еще не может сама встать.

Одна из х'манок останавливается рядом. Ее нукта нюхает вас и оскаливает клыки – каждый длиной в твою руку.

Это потом ты узнаешь, что х'манкам несвойственно вот так покачивать головой из стороны в сторону, вот так ходить, словно пронося за собой хвост, равный по длине собственному телу. Перед тобой не обычный х'манк, – это страшная тварь, экстрим-оператор, одно существо в двух телах. И они двигаются одинаково: маленькая слабая х'манка с огромным крепкобронным чудовищем.

Ты не боишься. Еще не умеешь.

Потом ты узнаешь, сколько сил взрослые кладут на то, чтобы дети воспитывались так же, как тысячу лет назад. Чтобы истинное положение дел открывалось только тогда, когда угрюмое знание уже не ломает молодых, а породит ярость в сердцах...

Тебе не понять, о чем говорят самые страшные враги человечества, глядя на вас.

А одна из х'манок сказала товарке:

– Смотри, вот враг и мать врагов.

– Брось, – со смехом ответила ей другая, – смотри, какие славные котятка.

И эта другая х'манка погладила тебя по голове.

Ладошка х'манки нежная, как лепесток. Она вкусно пахла, ты с удовольствием нюхал ее. Х'манка ждала, не отнимала руку.

И крохотный враг лизнул её пальцы.

Ты сделал это вовсе не из желания приласкаться. Ты пробовал на вкус, и тёрка на языке ободрала тонкую кожу х'манки мало не до крови. Но зрелище так насмешило всех х'манок, что и эта простила глупого малыша.

Они ушли, веселясь.

Это потом ты узнал, что в тот раз они никого не убили.

Я даже очнулась – от потрясения и страха.

Их было трое. В скалах. Посреди пустыни. Конечно, они же намного выносливее людей... Они стояли, неподвижные, и смотрели.

Мгновение назад их там не было. Аджи не почуяла их. Наверное, она тоже начала уставать... Она остановилась метров за двадцать от скал – и от них. Ужасающе опасная близость.

Вот теперь нам обоим точно конец. И страшный. Потому что мы не просто ненавистная х'манка и злобная нуктиха. Потому что я совершила ошибку, очень глупую, очень большую и страшную ошибку, непростительную, смертельную. Я не сняла ожерелье Экмена.

У самого высокого из ррит не хватало клыка.

Левого.
Верхнего.

Аджи издала боевой клич. Я с муками пыталась думать. Когда Аджи бросится в битву, я прыгну с ее плеча назад... как же высоко! Нет, надо слезать сейчас. Но она же все равно не сможет защитить меня от троих сразу! Она готова драться, и она даже уставшая и голодная разорвет троих ррит, – но кто-нибудь из них успеет достать меня. Убежать?

Ррит смотрели, не двигаясь с места. Точеные мускулистые фигуры, похожие на человеческие. Если не смотреть на жуткие морды, – словно изваяния древних мастеров. Проклятые статуи. Сильнее, выносливее, отважнее, умнее и благороднее человека. Победенные. Как же они нас ненавидят.

Чего они ждут?!

В эту секунду нас настигла «крыса».

Аджи развернулась к новоприбывшим. У меня мурашки побежали по коже. Нукте-то все равно, с какой стороны враг, чувство пространства работает лучше зрения, а хвостом можно ударить и назад. Вот я, между прочим, к ррит спиной. И мне от этого очень худо. Но спиной к людям еще хуже: у воинов пустыни могли сохраниться прежние понятия о чести, а у моих соплеменников их никогда не было.

Носом к нам, остромордая, с маленькими «ушами», машина как никогда напоминала настоящего помоечного зверя. Задняя дверь поднялась, будто «крыса» по-собачьи задрала лапу.

– Ну, здравствуйте, девочки, – нежно сказал Экмен.

Он снова изображал нездешнее величие. Он был во фреонном костюме, блистающем медицинской белизной, и походил на привидение. Шлем он широким жестом снял, показывая, что не боится фронтирского солнца.

Из машины выбрались еще четверо таких же, только пониже и в шлемах. Так, значит, еще один за рулем – и готов врубить резак. Больше в маленькую «крысу» просто не влезет.

Песчаник и соль неимоверно древнего моря, когда-то плескавшегося здесь. Скала, отделяющая «крысу» Экмена от ррит. Он их не видит. Он на них не смотрит и вообще чересчур расслаблен. Зато они его видят.

– Назад! – сказала я негромко, но с нажимом. – Аджи, назад!

Она мотнула тяжелой головой и отступила. Теперь воинов ррит от Экмена отгораживала только скала.

Точно, видят. Вон как уставились. Мимика ррит мне непонятна, но что они о нем думают, я могу представить. Психология ррит не так уж сильно отличается от человеческой.

– Янина, ты солгала мне, – с холодным неудовольствием высшего существа изрек Экмен. – Как я вижу, ты прекрасно умеешь обращаться с самками. Но я тебя прощаю.

Ха!

«Вернись, я все прошу!»

– Ты уже поняла, что не выживешь, – почти любовно сказал он. – Ну, не упрямясь.

Ублюдок. Так он специально не отправился за нами в погоню сразу же. Наверняка следил через спутник. Ждал, когда я окажусь на грани гибели. На грани отчаяния. Умно, ничего не скажешь.

Но сейчас он не думает об опасности.

– Эй!

Экмен развел руками, лучезарно улыбаясь.

– Девочки, мы же поладим!

Не сомневаюсь. А дверь-то «крысиная» поднята, идиот. Смерть водителю.

Привет, Экмен. Ты хотел, чтобы тебе снесли яйца? Готовься. Потому что ты не справишься с ррит без биопластика. Будь ты хоть трижды Лучший Самец Человечества.

Ррит молчали и не шевелились, как высеченные из песчаника. Надеюсь, они сообразят, что я хочу сказать.

Я сняла ожерелье. Меня передернуло от прикосновения к нему, – рядом стояли ррит, и один из них был изувечен, и мне до жути реально представилось, как Экмен добывал свои страшные бусины.

Он заслуживает того, что я сейчас сделаю.

Ожерелье полетело в Экмена. Я почти попала. Он – ну, идиот же! – поднял его, послал мне воздушный поцелуй и, сложив второе, надел бусы на запястье.

Тогда я сняла одну из биопластиковых лент, велела ей принять псевдоживую форму и высоко подняла.

Ррит одновременно повернули морды. Лента судорожно извивалась в моей руке. Высокий знает, – слишком хорошо знает, – что это такое. Когда до него дойдет, что х’манк вооружен только автоматом? Я медленно вернула ленту себе на плечи. Вроде, должны соображать быстро...

Они ненавидят Экмена куда сильнее, чем я.

Их трое, людей вдвое больше, но человек без активированного резака или нукты-защитника для ррит...

Правильно.

Мясо.

Я, наверное, действительно нелюдь. Я смотрела, как ррит убивают моих соплеменников, смотрела с высоты плеча стоявшей на задних лапах Аджи, и спокойно любовалась этим. Аджи нервно стучала хвостом по земле. Ей хотелось, чтобы я сказала, на кого ей кидаться, но я не собиралась участвовать в драке. Я ждала, чтобы забрать из экменовской «крысы» обязательный запас воды.

Все-таки психология ррит отличается от человеческой. У них было нормальное оружие, я видела. Но воины не стали стрелять, взяли за метательные ножи. Ритуальные, насколько я понимаю.

Экмен может быть польщен. К нему проявили редкое уважение.

Высокий, уже украшенный свежими костями, обернулся ко мне. Вряд ли он сказал мне что-то хорошее... а может, и хорошее. Судя по тому, что я знаю о ррит, по их понятиям я поступила благородно. Теперь унижительная отметина этого воина превратится в почетное боевое ранение.

А вот сотням других ррит не повезло.

Я подумала, что победи ррит в войне – а они могли, они едва не победили – они бы тоже устраивали на Земле сафари. И украшали себя костями.

Так что все честно.

7

Я вошла в ангар и без сил рухнула на диван. Вот не думала, что он покажется мне настолько родным.

Все остальное я думала уже после того, как проснулась.

Хорошо, что деньги за помещение перечисляются с моего счета автоматически. Очень удачно, что хозяину на самом деле совершенно все равно, как используются ненужные ему площади. Как здорово, что я сняла не гараж в городе и не квартиру, а именно старый ангар. Он же очень просторный и находится на отшибе. Я раньше отгораживала кусок пространства щитами, а теперь Аджи как могла аккуратно смяла оставшиеся от прежних времен металлические конструкции и устроила себе гнездо. Места ей хватило с лишком.

Глядя на это, я улыбнулась, и внезапно меня пронзила жуткая тоска.

Я все-таки потеряла Аджи... Пусть он – она – жива и рядом. Все равно.

Аджи вытащил меня из смерти. Это последнее, что сделала его любовь. Теперь самка родит и выведет прайд, свою собственную семью. Наверное, она будет помнить меня, как Джеки помнила Кесуму. Но служить мне она не станет.

Действительно, если вы женщина и отложили яйца, зачем вам маленькая бесшерстная обезьянка?

Что теперь будет? За три с лишним месяца наверняка пришло уже опоздавшее задание. Я не смогу его выполнить. Зачем я вообще, безоружная, официально казненная?

Я вздохнула и пошла на кухню. Есть хотелось зверски. Аджи, думаю, уже натрескалась какой-нибудь органики. Гнездо начала строить. С голоду бы не стала. А я не могу абы какую органику кушать. Кажется, были консервы... буду питаться консервами без хлеба. И кофе. Хоть кофе есть, и то хлеб.

Приняв душ и переодевшись, я села за компьютер.

В моем почтовом ящике обнаружилась куча спама и просто бессмыслицы вроде уведомлений от муниципалитета и записок о пришедших открытках.

Я криво усмехнулась.

После обработки я узнала, какого рода задание должна была выполнить. В частности, оказалось, что агентом Центра на Фронтире является Александер М. Дарикки. Вот не ожидала от милейшего местера Санди.

Как бы это мне написать отчет, если я только что получила данные? Уведомление о принятии задания поступило в местную сеть и готовится к отправке на Землю с ближайшим сеансом галактической связи. А сеанс будет... – я глянула – через десять часов. Многовато. Тянуть время не собираюсь. Так что отчет они получают одновременно с уведомлением.

Интересно, что они на это скажут?

Вот веселье начнется.

Ха! Не суетись Док Андерс, если подумать, – как бы я добралась до него?

И еще раз «ха!» Я думаю, что пять «смертных» заданий – достаточный повод, чтобы дорожить агентом. Я эффективна. Экономически выгодна.

Я буду жить.

Это местер Санди когда-то написал картину «Человек-победитель», которая висит в холле Мраморного Дома. Мимо нее проходят члены Объединенного Совета по пути в зал заседаний.

Он всегда предпочитал реалистическую манеру, но эта картина – более символ.

Палитра невелика: красный, желтый и черный. На фоне оранжево-алого света, скрадывающего все очертания – не то закат, не то пламя, – силуэт вооруженного мужчины на склоне

холма. Оружие напоминает гипертрофированный автомат. Ничего подобного на вооружении войск человечества нет.

Однажды какая-то не очень умная дама возмутилась тем, что человек-победитель – мужчина. На что Санди посоветовал ей присмотреться внимательней и сказать, хотела ли бы она видеть на картине женщину.

Действительно. Этого можно не заметить первым взглядом. Уйдешь от холста со странным ощущением, что смотрел, но не видел. И на выходе из здания, или на следующий день, или через месяц поймешь, наконец, что холм, который попирают ноги Победителя, на самом деле – черепа, черепа, черепа... груда костей на выжженной почве и зарево позади.

Все инопланетные делегации видят эту картину. Она неспроста там висит. Послы – не самые глупые представители своих рас.

Люди любят говорить о свободе, разуме, равноправии и цивилизованности. Но в глубине души прекрасно понимают, кто они такие.

И очень этим довольны.

Часть вторая. Янина.

1

Я сапожник без сапог.

Я экстрим-оператор без нукты.

Через два часа уходит корабль. Центр по достоинству оценил мою эффективность. Оказывается, Экмен уже много лет назад был признан антисоциальным элементом и осужден. Мне не дали задания на его устранение, потому что попросту не считали это возможным. А теперь я получила хорошую премию сверх забросных выплат и устное уведомление: ставится вопрос о моей реабилитации под другим именем, и, соответственно, выдаче мне полноценного сертификата.

Я не настолько наивна, чтобы надеяться. Они выразились так: «эффективный элемент персонала на заданиях особой категории». По-человечески это значит – высококлассный киллер на зарплате. Они ни за что не выпустят меня из-под колпака, хотя бы из соображений безопасности.

Но они выдадут мне новое оружие.

Аджи увезли с Фронтيرا раньше, на грузовозе. Она уже снесла яйца и легла на кладку. Чем дальше, тем она меньше со мной разговаривала. Я успела потрогать и рассмотреть колыбельки ее детей прежде, чем она начала на меня рычать. Яйца нукт красивые – розовые, полупрозрачные. К концу срока становится видно, как внутри спит малыш.

Через две недели прилетела команда с Земли, какие-то незнакомые мне люди. С ними был мастер Михаль, моя первая любовь. Он сильно постарел и обрюзг, стал совсем седым. Я почти не разговаривала с эвакуаторами. Кажется, только поздоровалась, впустила и сразу ушла в сторону. Они понимали, что со мной, и не тратили времени зря. Сняли гнездо с пола – целиком, вместе с дремлющей Аджи. Крыша ангара раскрывалась, но ее все равно пришлось разобрать, снять створки, чтобы не побеспокоить самку, поднимая гнездо. Хозяин разрешил. Он был там и смотрел на меня сочувственно. Хотя и не знал, что произошло. У меня был убитый вид.

Много позже я подумала, что один из крупнейших «кемайловых» вполне мог и знать о случившемся. И подозревать, что надето у меня под одеждой.

Я не собиралась сдавать биопластик. Обойдутся. Это мой трофей. За три месяца страданий и потерянного навеки друга – как бы дорого пластик ни стоил, он дешевле.

Когда Михаль стал беседовать с Аджи, в мастере пробудилось что-то прежнее, – задор, солнечная искра, которая светила всем. И я ощутила укол ревности.

Мне было очень тяжело.

Я положила вещи в каюту и вышла на космодром, чтобы в последний раз посмотреть на Фронтир. Попрощаться и поблагодарить. Ррит Кадара, беспощадная, хищная, и вдобавок жестоко оскорбленная людьми планета, но она разрешила мне выжить.

Несмотря ни на что – спасибо. И извини, хотя вряд ли ты сможешь. Постараюсь не возвращаться.

Пока я предавалась таким философским мыслям, ко мне подошел второй пилот. Я долго не могла понять, чего он хочет, пока не сообразила, что за мной приударяют.

Бывает же такое... Из стройной я стала костлявой, кожа у меня на лице полосатая из-за биопластикового контура, который я носила в пустыне. Даже тональный крем не особо помогает. И глаза на неподвижном из-за дефекта лице красные.

Что ж, хоть какое-то человеческое общение... Я невпопад ответила на пару комплиментов, постаралась улыбнуться и не напугать при этом кавалера своей атрофией. В конце концов, он посоветовал мне идти внутрь, потому что сейчас начинают тестировать генераторы, и удалился сам, очень довольный, что напал на настоящую глупую блондинку. Пообещал, что во время полета мы обязательно встретимся в кают-компании...

А вдруг мне все-таки выдадут сертификат? Я еще могу родить.

Я проводила пилота взглядом и почему-то вспомнила про Экмена. Надо же, у нас было много общего. Голубоглазые блондины, приговоренные к эвтаназии. Лучший Самец Человечества вызывал у меня раздражение и гнев, но галантный пилот так безнадежно не тянет на призового самца...

Корабль ходил транзитом с Фронтира через DFG-99/6, Терру-2 и RTG-50/1 на Терру-без-номера. Обычными пассажирами на нем были коммерсанты. Агенты «кемайловых» – они даже не таились, их легко было узнать по неповторимому аромату. Хозяева грузовозов, торговавшие фруктами и овощами, которые выращивались на Терре-без-номера. Еще кто-то. Иногда туристы.

Раньше звездоплавание было пыткой. Даже медкомиссия требовалась. Некоторые пассажиры могли не выдержать перегрузок. Тесный и опасный челнок, который к тому же наносил жуткий вред окружающей среде, с натугой прорывался сквозь атмосферу к огромному космическому крейсеру. Эти крейсера строились прямо на орбите и стоили невероятных денег. Когда-то, еще в школе, нас водили в Музей звездоплавания, там был пассажирский отсек такого корабля, после демонтажа спущенный на землю и оставленный для истории. Помню, мне там страшно стало. Живи я лет на семьдесят раньше, ни за что бы не полезла в космос. Да тогда и незачем было. Ничего интересного. Но летали, летали – даже на Луну и Марс когда-то летали туристы. Там сохранились брошенные корпуса отелей. И зачем, спрашивается, летать на безжизненные планеты?...

Гипертехнологичный корабль поднимается прямо с земли на таких же генераторах, что и у «крыс». А потом переходит в другие отношения с пространством. В «состояние мерцания». Помереть мне, если я хоть что-нибудь в нем понимаю. В школьном учебнике физики про это только научно-популярно. Мерцающему кораблю все равно, в какой среде перемещаться, хоть сквозь планету или звезду. Он некоторым образом не существует.

Но это еще можно представить, если поднатужиться. А вот почему у этих кораблей определенная скорость?

Ладно, на то есть физики.

Полет длился пять земных суток. Я могла позволить себе каюту VIP-класса, но взяла билет в двухместную. Лети я с Аджи, конечно, поселилась бы без лишнего соседа. А так... Я представила, насколько мне будет одиноко и плохо. Лучше уж стану молча злиться на безвинного человека, чем впаду в клиническую депрессию.

Но до Терры-2 никаких соседей у меня не было. Приходилось развлекаться встречами за ужином со вторым пилотом по имени Саймон. Ужас, до чего имя ему подходило. Если учесть, что оно всегда казалось мне дурацким. Чернявый Саймон оказался фетишистом, обожавшим светлые волосы. Все остальное его мало интересовало.

На Второй Терре, во время шестичасовой посадки, я вышла из корабля. Единственная планета угасающей красной звезды, она славится изумительной красотой. Даже обычные съемки завораживают, но они, по рассказам, только жалкое подобие, – эту Терру обязательно нужно увидеть глазами. Я надеялась немного развеяться. Может, сходить в кино, посидеть в кафе. И выкинуть, наконец, из памяти проклятую фронтирскую пустыню, сожравшую все, что у меня еще оставалось.

Я вышла на крышу здания порта, на смотровую площадку. Полдень только что миновал. Дул пронизывающий ветер. Я была легко одета, на Фронтире я привыкла к постоянной жаре.

Здесь оказалось холодно. Я поежилась, и биопластик, лелеявший мое тело под одеждой, начал вырабатывать тепло.

Никакими словами не передать. Все говорят «розовая жемчужина в перламутре», это уже избито. Солнце Терры-2 действительно нужно увидеть своими глазами. Иначе не представишь. Минуту спустя я поняла, что стою как ребенок, с открытым ртом. Облака – синие, голубые, розовато-лиловые, сиреневые, полупрозрачные, быстрые, как шелковые платки...

Я смотрела в новое небо, любуясь и замирая. И я вытянула руку, чтобы опереться о загривок Аджы, стоящего рядом со мной.

После этого мне расхотелось куда-либо идти.

В каюте меня встретила соседка. Совсем юная и смешная.

И в парадной форме.

Мы считали, что парадная форма существует для парадов и только. И что женщине не следует демонстрировать выправку. Меняются времена...

– Эльса, – представилась она. – А это Ирлихт. Ничего, что мы?... Вы извините, что я взяла в двухместный, но у меня денег не хватило, а в четырехместный вообще брать нельзя, там тесно очень.

Ей было не меньше восемнадцати, но она показалась мне совсем ребенком. Может, из-за манеры речи. Точно горох сыпался.

Ирлихт, имея глубокомысленный вид, смотрел в окно и успел напустить в задумчивости целую лужу слюней. Бедная Эльса, стюардессы ее убьют. Конечно, это было не окно совсем, а просто телешит, на котором медленно плыло звездное небо. Для разрядки пассажирских нервов. Комната без окон многих людей вгоняет в стресс. Удивительно – знаешь, что иллюзия, а все равно действует...

– Конечно, Эльса, ничего. Я сама экстрим-оператор, – я старалась говорить ласково. У меня сорвался голос. Я столько раз за последнее время обдумывала эту фразу, и так давно не произносила вслух...

– Вы? – она хлопнула глазами и оглядела комнату, не забыв про потолок. Попыталась выглянуть в коридор через мое плечо. Правильно, девочка... вот только нет его здесь.

– А где? – по-детски непосредственно спросила она.

Я замялась.

Ей не понадобился ответ. Она села на кровать, глядя расширенными глазами. Ирлихт подошел, понюхал меня с уважением, а потом что-то тихо сказал и осторожно ткнул мордой мне в живот. И я машинально запустила руки под его нижнюю челюсть.

Оказывается, я все это уже успела забыть... Насколько нукты красивы и грациозны. Какова на ощупь непробиваемая шкура. Их дивную, дикую, хищную, инопланетную пластику. Ирлихт даже позволил мне приподнять его верхнюю губу и провести пальцем по влажным зубам.

– Вы... не плачьте, – шепотом сказала Эльса.

...Она собиралась навестить родственников перед началом нового учебного года. Она летела на Терру-без-номера с Земли. Это самый оживленный маршрут, без пересадок, но Эльса решила повидать еще какие-нибудь планеты. Она впервые покинула Землю. Заказала два билета – первый с Земли на Терру-2, привлеченная рассказами о волшебной красоте здешней природы, а второй – транзитным кораблем на Терру-без-номера. Конечно, все билеты были дешевыми, но – насколько возможно. Компания четырехметрового псевдожщера не позволяла селиться в многоместных каютах.

Соседка Эльсы на корабле с Земли устроила отвратительный скандал, увидав их. Эльсу едва не выгнали. К счастью, на корабле обнаружилось пустое хозяйственное помещение, и

Ирлихта заперли там. Ему было очень плохо и обидно, а Эльса втихую ревела в подушку, ненавидя весь космос вообще.

Мое имя она спросила только после того, как все это выпалила. Спихватилась... Странно, но болтливость Эльсы совсем меня не раздражала. Может, потому, что рядом молчаливо присутствовал Ирлихт.

– Янина, – ответила я. – Эльса, называй меня на «ты». Экстрим-операторы не говорят друг другу «вы», никогда.

Она улыбнулась так ясно и солнечно, что я не смогла не ответить тем же.

– Эльса, почему ты в парадной форме?

– Ну... – она немного удивилась. – Я думала, так надо. Так красиво. Нам ее только что выдали.

О! Тогда понятно.

– Эльса, парадную форму экстрим-операторы надевают только на парад. Полевую форму – только если заброс проходит в условиях дикой природы. Мы ходим в штатском. Мы слишком откровенно вооружены, понимаешь?

Девочка кивнула.

– А я-то думала, почему на практику к нам все в спортивных костюмах приходят... – вздохнула она. – Ладно... мне снять?

– погоди. Ты неправильно надела аксельбант.

Она обиженно заморгала.

– Как неправильно?! Тут два сантиметра и тут на пуговице...

Эльса годилась мне в младшие сестры, но я видела в ней дочь. Я вдруг почувствовала себя совсем старой и умудренной. Прожившей свой век. И с этим осознанием пришло безнадежное какое-то веселье. Давай сюда, дочка, я научу тебя правильно носить аксельбант...

– Во-первых, он тебе сейчас вообще не положен. А во вторых... Под погон пришит или пристегнут?

– Пристегнут.

– Давай сюда.

Эльса послушно сняла шнуры, – две тугие золотые косички, одна подлиннее, другая покороче. Протянула мне.

– Экстрим-оператор носит аксельбант не на груди, – назидательно сказала я.

– А где?

Вместо ответа я окликнула Ирлихта, который вновь пустился в размышления у телецита. Он с некоторым удивлением посмотрел на нас и неторопливо подошел.

Я повязала золотые шнуры где положено. Сошлось идеально.

– На шее нукты, – безмятежно изрекла я. Глаза Эльсы округлились.

– Я всегда так думала! – воскликнула она.

– Вот почему он именно такой длины, – сообщила я. – У всех остальных родов войск короче.

Мы сидели и говорили. Вернее, говорила по большей части Эльса. Я слушала ее с наслаждением. Я много лет не была в Джеймсоне, даже не слышала ничего о внутренних делах Академии. Я не имела права сообщать подругам о своем существовании. Но Эльса не знала, кто я. Она видела во мне только старшего оператора, одну из сотен, если не тысяч. И я выпрашивала у нее все. Дотошно. Эльса не видела в этом ничего удивительного и болтала с удовольствием.

– А кто сейчас ведет практику?

– Лимар.

– Лимар?! Та, что с Кингом?!

– Ну да.

С ума сойти. Лимар преподает.

– Жутко злющая, – по-детски искренне сообщила Эльса.

Неудивительно. Дикая кошка Лимар, чей любимый приказ – «детка, откуси ему голову»... кто только додумался пригласить именно ее?

– А что с Даниэлой?

– Какой Даниэлой?

– Ну... – Я растерялась. И почему я думала, что все останется прежним? Раньше Даниэла вела практику... Конечно, ей теперь шестьдесят пять, она ушла на покой, Эльса о ней и не слыхивала.

– Даниэлой Лемуш, которая с Рексом? – вдруг спросила девочка.

Я невольно улыбнулась.

– Да.

– Рекс погиб. И она развелась с мужем, – Эльса стала говорить быстрее, выплескивая сплетню. – В шестьдесят пять лет. Сказала: «Я не понимаю, почему в моем доме до сих пор живет этот человек. Я не хочу доживать рядом с ним».

Я сидела и моргала. Рекс погиб? Но Даниэла не могла в ее возрасте уйти в опасный заброс. Да и в безопасный – вряд ли. Как на мирной Земле мог погибнуть неуязвимый нукта? Эльса болтала и болтала что-то по поводу свадеб, разводов и новорожденных, а я все не могла собраться с духом и перебить ее.

– ...а Эрик сказал, что Линда грациозней и вообще женственнее...

– Эльса. Пожалуйста, скажи мне, как погиб Рекс?

Она осеклась и воззрилась на меня удивленно.

– А вы не знаете?

– Откуда?

– Из новостей.

– Что?... Эльса, я три месяца провела в пустыне и не видела никаких новостей.

– А-а, – Эльсу впечатлила глубина моего последнего заброса. Знала бы она... – Это наци.

– Наци?!

– Ну да. Ужасный скандал был. Они уже давно появились, завелись чуть ли не во всех столицах Земли. Они кричали, что на Землю всякие подонки тащат инопланетную мерзость, и скоро настоящей Земли уже не останется, а надо хранить Землю чистой. Сначала просто кричали, а потом оказалось, что у них есть резаки. В Риме, Бонне и Филадельфии были погромы. И еще, кажется, в Москве. Бросали камни в инопланетян, убивали животных. Даниэла шла по улице с Рексом, и ей начали кричать гадости, и Рекс зарычал на них, и тогда они взяли и выстрелили. А он не мог увернуться, потому что за ним стояла Даниэла, и тогда заряд бы попал прямо в нее. И вот, – Эльса грустно приподняла брови.

Я прикрыла глаза. Безукоризненный джентльмен, отважный воин и нежный отец. Он правильно погиб, Рекс. Я знаю, что Даниэла стреляла ночью трассирующими пулями в небо. Слава и память. Он был не более чем оружием...

– Но это-то ладно, – донеслось сквозь мои мысли.

Я подняла взгляд. Глаза Эльсы нехорошо сверкали.

– Они убили кормящую самку!

Социально альтернативные граждане прилетели в Кайенну. Целый день «крысы» шли над амазонскими джунглями. Нуктам практически безразличны природные условия, у них даже дыхательная система перестраивается на разные составы воздуха. Но для малышей корм и окружающая среда очень важны. Им нравятся жара и сырость. Да и огромную площадь для питомника можно найти только в малоприспособленных для человека местах.

Социально альтернативные граждане не собирались убивать. Боевые нукты могли ответить агрессией на агрессию, а против целого питомника никакие резаки бы не спасли. Замысел состоял в том, чтобы взорвать стену и выпустить нукт на волю. Чувство пространства

мигом сообщило бы тем, что оград нет. В благоприятных условиях у псевдоящеров просыпается инстинкт достижения максимальной численности, и достигается она ускоренными темпами – для того, чтобы защитить доставшуюся прайдам территорию. Здесь условия были на редкость благоприятны. Оказавшись среди дикой природы Земли, нукты, созданные куда более суровой планетой, могли нанести вред, – да хотя бы вызвать панику в СМИ, – и доказать тем самым свою опасность.

Под стеной, в самом укромном уголке вольера, мирно спала нуктовая женщина по имени Лана. У нее заканчивалась лактация. Ее дети, обросшие первой броней, носились по лесу, впервые оставив мать в покое.

Взрыв не убил ее быстро. Страшно искалеченная, она несколько часов мучилась, пока один из ее мужей не привел мастера. Но спасти ее люди не смогли. Они могли только позволить мужьям Ланы выследить и взять убийц.

Кого успели выхватить из когтей разъяренных нукт – арестовали. И в тот же миг началась кампания по защите прав социально альтернативных граждан. Наши адвокаты вступили в бой под знаменем жестокого обращения с животными, но неожиданно выяснилось, что нукты юридически вообще не являются живыми существами. Жестокое обращение с биологическим оружием – это бред даже для наших дней.

И возмещения урона не смогли потребовать. Питомники принадлежат Объединенному Совету. То есть, всему человечеству. Некому возмещать урон...

Но на этом безумие не окончилось.

– Достали из архивов старые фильмы, – бледнея от гнева, рассказывала Эльса. – Совсем старые, еще доконтактные, дурацкие боевики про инопланетных монстров, крутили их по телеканалам целыми неделями, судебные процессы достали по нападению инопланетных животных на людей. Помнишь, был суд над Яниной Хенце? Они опять начали все то же, что тогда!...

Я молчала. Хорошо, что Эльса много говорит. О, как я помнила этот суд...

Оказалось, главой альтернативно настроенной группы была женщина. Уже пожилая. Кадры, где она, едва не плача, говорила, что ее единственный сын погиб от зубов «этой мерзости» крутили чаще, чем когда-то рекламный ролик с моим участием.

Эльса назвала ее фамилию. Я помнила эту фамилию лучше, чем собственную. Выучила во время суда. Ее сын был одним из тех троих, что пытались меня изнасиловать.

Самки нукт живут очень долго, около двухсот лет. Дети Ланы во время войны сражались бок о бок с людьми, в последний миг заслоняя их собой. Ее дети – покрытые шрамами ветераны, солдаты, которым не положено орденов.

Прощай, мать героев. Думаю, нашлось, кому стрелять для тебя трассирующими пулями в небо. В звезды, принадлежащие людям.

Эльса говорила быстрее, чем я размышляла. Для нее-то это все уже не было новостью. Я думала о Лане, когда услышала эльсино шипение: «Я бы этой суке выдернула ноги, вставила в ее вонючие дырки и пустила бегать!»

Когда убийцу судили, журналисты торжественно нарекли процесс «делом Рипли». Выговорив это, Эльса на мгновение совершенно потеряла речь. Я не поняла, в чем дело.

– Ты должна посмотреть этот фильм, – объявила девочка; ее стиснутые пальцы побелели. – Ты должна понять, насколько это чудовищная несправедливость!

Вот уж не желаю. Хватит мне того, что я услышала.

Хватит того, что ее оправдали.

А потом взрыв раздался в здании посольства Чиинн-йенкьи в Гааге.

Никто не пострадал, но чийенки смертельно перепугались. Сначала посол объявил эвакуацию соотечественников в сутки. Потом в два часа. Потом вообще отменил эвакуацию из-за горшего страха – оскорбить официальные инстанции человечества.

Ужас чийенков обостряло еще одно обстоятельство: их ксенологи установили, что сугубо хищные виды вызывают у людей неконтролируемую ярость.

Разумные расы, произошедшие от травоядных животных, неизвестны. Разумными бывают либо всеядные, как люди и анкайи, либо хищники, как чийенкее, цаосц, лаэкто и ррит. Когда Homo sapiens оказывается в зоне агрессии потомка плотоядных, в нем просыпается древнее чутье. Чутье потенциальной жертвы, глубоко спрятанное под хитросплетениями интеллекта. И в душе представителя доминирующей расы Галактики воцаряется первобытный страх.

Это до крайности раздражает людей. Вскоре появляется желание уничтожить источник раздражения. При опытах, в которых добровольцами были ксенологи-люди, отмечалась ситуация зеркала: добыча-человек пытается рациональной агрессией подавить иррациональный ужас, в то время как хищник-чийенк вынужден удерживать иррациональную агрессию рациональным страхом.

Чийенки помнят: разбив анкайи, люди всего лишь отобрали у них колонию. Разбив ррит, люди уничтожили их цивилизацию. А злосчастным плотоядным чийенкам нечего противопоставить нашей военной мощи. С развитием интеллекта инстинкты притупились; изворотливый разум и уязвленное самолюбие оказываются намного опасней природной агрессивности.

Предки нкхва насекомоядные. Нкхва – амфибии. Они плохо приспособлены к войнам. Если рассматривать естественное вооружение вида, то нкхва так же незащищен перед человеком, как человек – перед ррит. Но мы всегда были союзниками, хотя нкхва мало что могли предоставить нам в обмен на защиту. Разве что моральную поддержку.

Когда их стали травить на улицах, это выглядело вдвойне отвратительно.

– Вот, – сказала Эльса, пересказав все пропущенные мной новости. От возмущения она даже покраснелась чуть-чуть. И дышала чаще. Она ждала от меня реакции. Я должна была разделить ее гнев.

Но я слишком глубоко ушла в размышления, чтобы ответить. Даже из вежливости. Эльса посидела, глядя на меня, потом переглянулась с Ирлихтом и ушла. Должно быть, в кают-компанию. Нукта тронул меня лапой, чирикнул и свернулся у моих ног в плотное кольцо.

«Дети, разминаем пальцы, начинаем ксеноцид...»

У каждого двухсотого на Земле – домашнее животное внеземного происхождения. На Земле полно инопланетян. В больших городах их видят каждый день. Много лет. Люди давно привыкли к чужим формам жизни.

Откуда это безумие? Зачем?

«Подумывают об эвакуации питомника с Земли, – сказала Эльса. – Все кричат, что нукты опасны. Могут устроить новые взрывы или стрелять».

Вот не думала, что придется когда-нибудь не нуктам защищать людей, а наоборот. И от кого – от других людей...

Еще одно, на что я не обратила внимания в безостановочном щебете Эльсы.

Да. Вот это-то и была, в действительности, вершина всего. Фраза, сказанная кем-то из религиозных деятелей.

«Только у человека есть душа».

У меня хранится фотография с Пятой Терры. Ее сделала Лимар. Это единственная фотография, которая осталась у меня от прошлой жизни. Она мне очень нравилась. Я ее напечатала, вставила в рамочку и всюду брала с собой. Поэтому и не потеряла. Теперь вдруг оказалось, что это единственная моя фотография с Аджи.

Мы с ним сидим рядышком на суку и смотрим в изумрудный закат. Фотография сделана сзади и немного снизу. В этом ракурсе в Аджи вдруг обнаружилось что-то кошачье. Может, потому, что он хвост свесил вниз. Я знала, что на нас смотрят и притворилась, что кладу голову

ему на плечо. Конечно, сделать этого нельзя, там лезвие. Но Лимар щелкнула нас в самый удачный момент. Иллюзия полная.

Это очень забавно. Черный ежастый кот и светловолосая ведьмочка на ветке, которая очень похожа на ветвь земного дерева. И непонятно, какого мы на самом деле размера. Кажется, что совсем крохотные.

И зеленое солнце.

Мне тогда едва исполнилось двадцать три. Когда неподвижность моего лица была естественной, я казалась красивой. Терра-5, самый обычный заброс. Теперь мне почему-то кажется, что там я была счастлива. Наверное, человеку обязательно должно казаться, что когда-то он был счастлив. Интересно, что думают об этом ксенологи контактирующих рас.

Знаете, зачем нуктам такая шкура? На их родине водятся «комарики». С кулак размером, не больше. Прокусывают пятимиллиметровый стальной лист. А мощные зубы наших псевдо-ящеров нужны, чтобы разрывать такую же шкуру их травоядной добычи. Третий клык, расположенный в середине нёба, настолько крепкий, что никакой сплав не сравнится, разве что сверхдурогие. Кости верхней челюсти и черепа – такие же.

Броня нукт – не ороговевшая кожа и не хитин, как считают некоторые. Это сросшиеся чешуи. Конечно, нукты не ящеры и не млекопитающие. Странно было бы ожидать от инопланетной фауны повторения земных классов и семейств. Можно провести аналогии, только и всего. У нукт нет и не может быть потовых желез, из которых развились молочные у земных животных.

Самцы прайда не всегда могли принести добычу. Малыши в гнезде от голода кусали материнское брюхо. Проглаживали чешую насквозь, добираясь до кожи. Постепенно у самок развились сдвижные чешуи-заслонки, а под ними в определенные периоды стала нарастать нечувствительная плоть, которую маленькие нукты могли безболезненно отъесть. В отношении инопланетной фауны молоком принято называть любой субстрат, который родитель производит для питания отпрысков. И считать такие виды протомлекопитающими или псевдомлекопитающими: это бесконечный дурацкий терминологический спор. Вот так.

Мы два месяца прорывались сквозь девственную природу Терры-5 с геологоразведочной группой. Геологов компания отяготила ксенобиологами, от которых я и узнала про разногласия насчет молока. Отдельную экспедицию для исследователей устраивать дорого, а исследовать планету надо. Ой, как же они грызлись! У нас просто колики делались от смеха. В конце концов, мы стали в экспедиции главными людьми. Когда биолог умолял влезть в болото, а геолог умолял влезть на гору, и ни туда, ни сюда не проходили вездеходы, именно мы решали, куда наши нукты потянут их и их драгоценную аппаратуру.

Все из-за тамошних лесов. «Крысы» на Терре-5 не могут идти у земли, там слишком тесно. А сверху ветви гигантских деревьев сплетаются в почти сплошную плотную крышу, и если подняться над ней, нельзя сказать точно, где сумеешь пробиться вниз сквозь кроны. Для кого-то это, может, и не важно, но ксенобиологи – понятная публика. Все-то им нужно обнюхать. Вот мы и шли практически пешком.

Это было замечательно.

Я лежала и грезила. По земному времени, Гринвичу, действующему на всех человеческих кораблях, минуло три часа ночи. Через пять часов корабль выходил из состояния мерцания. Через пять с половиной садился на Терру-без-номера.

На планетах, входящих в реестр освоенных человечеством, численность населения колеблется от десятков до десятков тысяч. И лишь на Терре-без-номера, она же Земля-2, колония превышает миллион человек.

Потому что она Земля-2.

Захватив огромное количество пригодного для жизни пространства, люди обнаружили, что совсем не хотят покидать колыбель. Жить вне Земли непрестижно. Престижно только путешествовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.